

Сергей Юрьевич Волков
Планета битв
Серия «Планета Медея», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602085
Планета битв: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44030-6

Аннотация

Колония на планете Медея образовалась совершенно случайно, в результате аварии межзвездного транспорта «Русь». Голод и лишения, нескончаемые нашествия местных хищных тварей и, наконец, гражданская война между самими колонистами – все это не облегчало участи заброшенных на край Галактики и забытых остальным человечеством людей. Казалось, что еще чуть-чуть, еще одно усилие – и мир, покой и достаток воцарятся на Медее на вечные времена. Но вместо этого появляется новый противник, безжалостный и опасный, как никакой другой. Он угрожает самому существованию людей на планете. Главному герою романа, бывшему члену экипажа «Руси» Климу Елисееву, и его товарищам снова приходится взяться за оружие. Теперь их родина – Медея, и они готовы драться за нее до последнего патрона.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Волков

Планета битв

Часть первая

Весна. Лето. 2208 год

Черная птица сидела на сухой ветке дерева и внимательно следила за человеком внизу. Человек полз по заледеневшим камням и хрипло выкрикивал:

– Желтый – семьсот пятнадцать! Желтый – семьсот шестнадцать! Желтый – семьсот семнадцать!

Строго говоря, существо на ветке не было птицей, хотя и умело летать. Крохотное звеньшко в биологической цепочке Медеи. Мелкий падальщик, прозванный людьми крылозубом. Длинная голая шея, узкая пасть с острыми зубами, перепончатые крылья, покрытые жесткой блестящей шерстью.

Впрочем, тот, кто извивался сейчас под деревом, тоже не был живым человеком. В нем поселилась болезнь, которая уже убила его. Крылозуб повернул плоскую голову, расправил крылья и громко каркнул, показав бледный розовый язык. Человек замер, потом перевернулся на бок, с трудом вытащил из-под себя грязный меч и погрозил им сидящей на ветке твари. Слезающиеся глаза на мокром лице бессмысленно блуждали, обметанные губы шевелились, выталкивая в морозный воздух слова:

– Я... дойду! Все равно... дойду!..

Крылозуб знал, что будет дальше. Через некоторое время тело внизу перестанет шевелиться. Тогда он слетит к нему, выгрызет в боку дыру и залезет внутрь, в теплую брюшину. Там он отложит личинку, обильно покроет ее пометом и улетит прочь. Содержащиеся в помете бактерии примутся разлагать плоть, создавая для личинки питательную массу. Когда придет тепло, личинка окуклится и через несколько дней из кокона выберется молодой крылозуб. Он доест то, что останется к тому моменту от человека, и начнет самостоятельную жизнь.

Крылозуб сложил крылья и потоптался когтистыми лапами по ветке, устраиваясь поудобнее. Ждать оставалось недолго...

* * *

«Красный – двести тридцать семь, красный – двести тридцать восемь, красный – двести тридцать девять...» Джошуа Гиббсон, а по-простому Джош Длинная Нога, привычно считал шаги, время от времени поглядывая по сторонам. Когда счет дойдет до тысячи, он передвинет красный камень на первом шнуре за узел и начнет по новой: «оранжевый – один, оранжевый – два...»

На первом шнуре камней всего пять, и когда все они перекочат за узел, придет время передвинуть один из белых камней, что нанизаны на второй шнур. Белый камень – пять тысяч шагов. За день посланник должен пройти не менее тридцати белых, иначе он не успеет к сроку и с позором покинет гильдию. Но Джошу это не грозит. Он делает за день тридцать три, иногда тридцать четыре камня, а его личный рекорд – сорок один – в гильдии превзошли немногие.

В этот раз Джош сэкономил силы. Старейшины отправили его в Фербис, а до него три сотни белых камней. Это никак не меньше девяти дней хода, да и то при условии, что посланника ничего не задержит в пути.

В этой части материка совсем нет дорог, лишь редкие тропы, по которым ходят охотники, паломники, пастухи и посланники. Тропы извилисты, они огибают пустынные безводные места, лежат в стороне от нагретых солнцем скал, гиблых солончаков и глубоких оврагов. Кое-где Джошу приходится бросать тропу и идти напрямик, чтобы сократить путь. Дорогу в Фербис он знает хорошо – бывал там раз десять. Но Медея – непредсказуемая планета, и всякий раз, сходя с тропы, Джош натягивал на лук тетиву и проверял, легко ли вынимается из кольца узкий меч-звенч.

Когда старейшины призвали его, Джош удивился той мрачности, которая царила в Большом Зале ратуши Горной республики. Впрочем, он не задал ни единого вопроса – так велит устав гильдии, а старейшины были немногословны. Лишь старик Мак-Даун, грузный, седой и косматый, как белый медведь, пробурчал, вручая Джошу запечатанный тубус: «Это очень важно. Будь быстр и осторожен».

И вот он уже второй день в пути. Помимо кожаного тубуса на поясе, плаща, звенча, лука за спиной и легкого ранца, в котором хранится вяленое мясо и баклага с водой, Джош не взял с собой ничего, что могло бы стать обузой в дороге.

«Красный девятьсот девяносто семь, красный – девятьсот девяносто восемь, красный – девятьсот девяносто девять...»

Джош шумно выдохнул и на следующем шаге перекинул камень за узел, взявшись левой рукой за другой, выкрашенный в оранжевый цвет.

Посланники ходят по планете особым, «скорым шагом», широко ставя ноги. Искусству «скорого шага» нужно учиться. Главное тут – держать дыхание и ритм. Три шага – вдох, три – выдох. Но при этом обращать внимание на то, как ты дышишь, нельзя, это сбивает с ноги. Настоящий посланник не контролирует дыхательный процесс, он всегда дышит правильно. Это рефлекс. Так дышат животные. Посланник тоже в чем-то животное, очень функциональное и надежное.

Миновав неглубокую ложину, поросшую кустарником, Джош поднялся по склону на каменистый холм и привычно огляделся. Вокруг лежала унылая рыжая равнина, кое-где поросшая чахлыми деревцами. На юге громоздились фиолетовые вершины Экваториального хребта, а там, куда держал свой путь Джош, сквозь дрожащее полуденное марево угадывались округлые силуэты Лежачих камней.

Удовлетворенно кивнув самому себе – мол, все идет нормально, посланник на ходу кинул в рот крупинку серой соли и сделал три глотка из баклаги. Три глотка – именно столько ему достаточно, чтобы восполнить потерю жидкости. Можно, конечно, выпить и больше, но лишняя вода тут же выйдет наружу потом. У каждого посланника своя норма. Сморщенный, коричневокожий Текола пьет пять глотков, но – один раз в день. Высокий бородатый Онсон, наоборот, делает по глотку через каждый белый камень. Джош пьет по три глотка четыре раза в день. Это его норма. Усмехнувшись, он сунул баклагу в ранец и снова зашептал: «Оранжевый – пятьсот семьдесят семь, оранжевый – пятьсот семьдесят восемь, оранжевый – пятьсот семьдесят девять...»

Утро следующего дня Джош встретил на западном склоне Лежачих камней. Он проспал отмеренные самому себе семь часов и пробудился с первыми лучами восходящей Зоряной звезды Эос. Пробудился – и сразу понял, что болен.

Недомогание Джош ощутил еще вчера, но тогда он решил, что просто перегрелся в пути. Такое часто бывает у посланников – целый день на жаре, под палящими лучами светила. Но когда Джош расстегнул куртку и увидел пятна, то вздрогнул, а по спине пробежал холодок.

Болезнь эта впервые заявила о себе где-то полгода назад. Первой заболела пожилая женщина из Нижнего Загорья. Она занималась сбором трав и корней на лесистых склонах приречных холмов, отсутствуя иной раз по два-три дня. Вернувшись из очередного

похода, старушка слегла с легкой лихорадкой. Родственники, решив, что это обычная простуда, не стали обращаться в гильдию лекарей. Они рачительно рассудили, что смогут обойтись домашними средствами, тем более в доме больной всяких лекарственных травок было в избытке.

Не обошлись. На второй день женщина покрылась темными фестончатыми пятнами, на четвертый у нее началась сильная рвота и судороги. К полуночи пятого дня несчастную начали мучить галлюцинации, а на теле открылись кровоточащие язвы. Перепуганная родня наконец-то обратилась к лекарю, но было уже поздно – больная потеряла сознание и, не приходя в себя, поутру скончалась.

Ее похоронили за мостом, на новом кладбище. Постепенно все забыли о случившемся, но прошел месяц, и зловещие пятна выступили у всех, посещавших старушку. В дело вмешались старейшины. По указу совета в поселении установили карантин, больных изолировали. Лучшие медики гильдии занялись лечением болезни, используя все доступные методы и препараты. Оказалось, что страшный недуг не так уж и страшен – если сделать заболевшему человеку инъекцию «комплекса номер четыре», универсальной вакцины из числа «старых лекарств», тех, что привезли с далекой Земли.

Эпидемии удалось избежать, но то тут, то там время от времени возникали новые очаги болезни, прозванной «пятнухой». В принципе люди не боялись ее – своевременная терапия «старыми лекарствами» гарантировала излечение. И лишь немногие понимали: когда «старые лекарства» закончатся, «пятнуха» придет в каждый дом...

Джош разделся, внимательно оглядел себя и нахмурился. Похожие на кляксы пятна покрывали торс, ноги и руки. Чистыми оставались лишь ступни, кисти, шея и лицо. «Пятнуха». Он в пути третий день. Нужно возвращаться. Возвращаться, иначе ему конец.

И тут же в ушах зазвучали слова присяги, которую давал каждый неопит, вступающий в гильдию посланников: «Клянусь жизнью и честью, что не пожалею сил и здоровья, чтобы доставить врученное мне послание. В случае же явной угрозы моей жизни обязуюсь не передавать послания третьим лицам и в кратчайший срок вернуть его отправителю. В бегстве нет стыда. Стыд есть в трусости».

Глухо выругавшись, Джош начал одеваться. Его душил гнев. За спиной треть дороги! Три дня пути, три трудных дня по безводным равнинам – и все насмарку. Придется возвращаться, и еще не известно, в каком состоянии он дойдет до Загорья. Впрочем, плевать. Времени у него хоть и в обрез, но вполне достаточно. Лук, плащ и мясо можно бросить, взять только звенч и воду. Спать по три часа. Идти по сорок камней в день. Тогда он гарантированно не оставит маленького Марка и белокурую Марту сиротами и не сделает Лиз вдовой. Просто надо поторопиться. Поспешить. «В случае явной угрозы жизни...»

– Тот самый случай! – вслух произнес Джош и удивился тому, как необычно, хрипло и отрывисто прозвучали слова.

Тени от Лежачих камней стали сиреневыми – светило поднялось над зубчатой линией далеких гор. Северо-восточный ветер тоненько посвистывал в ветках кустов. Он принес с собой сладковатый цветочный запах. Джош знал – там, куда изначально лежал его путь, в предгорьях, есть целые поля цветов, желтых, как камень на его первом шнуре. Если идти краем такого поля, то от одуряющего аромата начинает кружиться голова, но зато прибывает сил и отлетают дурные мысли. Обычно Джош срывал несколько цветов и приносил их домой, жене. В этот раз такого не будет. Зато он останется жив.

С этой мыслью Джош сложил под скалой, у которой ночевал, ненужное снаряжение и скорым шагом двинулся обратно. Его кожаным сандалиям с семислойной подошвой не суждено истереться до дыр. Никто в гильдии, никто в поселении не скажет ему дурного слова, никто не посмотрит косо. Разве что старик Мак-Даун... Он старейшина. Он сказал:

«Это очень важно». Но он уже совсем дряхлый и скоро умрет. А Джош болен. Джош ни в чем не виноват. «Это очень важно». Очень важно. Важно.

Проклятая «пятнуха»!

Джош остановился и закашлялся. Он никогда не останавливался «на маршруте». У него никогда не сбивалось дыхание. И вот – случилось. На душе скребли кошки. Джош понимал, что делает все правильно, но где-то глубоко в душе росло и крепло убеждение – происходит что-то страшное и непоправимое...

– Это просто болезнь! – громко сказал Джош и снова удивился, насколько непривычно звучит его голос – будто бы говорит другой человек.

Он опять пошел, считая камни. На время ему удалось отвлечься от мыслей, войти в ритм и успокоиться. Пыльная тропа ложилась под ноги, бирюзовое небо висело над головой, в такт шагам качались вершины гор.

На зеленом камне в душу вновь закрались сомнения. Что в послании? Почему Мак-Даун нарушил обычный ритуал отправки посланника и сказал: «Это очень важно». Разве все предыдущие послания, которые носили Джош и другие, были не важными?

Ко всему прочему Джоша начало знобить, в горле пересохло. Судорожно сглотнув, он остановился и сел на теплый камень. Пот ел глаза, стук сердца отдавался в ушах барабанным боем. Вытащив баклагу, Джош хотел сделать положенных три глотка, но, ощутив во рту вкус воды, едва удержался, чтобы не выпить все.

Светило припекало. Ветер окреп и мягко толкал в спину. Стало жарко, и Джош растегнул куртку, мягкую и легкую куртку из тонко выделанной кожи прыгуна. Взгляд против воли остановился на пятнах, темнеющих на животе. Джош клацнул зубами. Внезапный озноб скрутил его, в висках заломило, перед глазами поплыли цветные круги.

Он снова вспомнил клятву: «Клянусь рассудком и судьбою, что никогда, ни при каких обстоятельствах, не вскрою печать и не ознакомлюсь с содержанием послания, а равно не допущу до этого третьих лиц». Джош поежился, отстегнул кожаный цилиндр тубуса и повертел его в руках. Два переплетенных ремешка, алая печать с гербовым оттиском, пергаментный лоскут с выколотой надписью: «Получатель: лично в руки Государственному канцлеру».

Джош понимал – он не просто может, он обязан вернуться. Но сомнения в верности такого решения, появившиеся у него утром, сейчас не просто окрепли, они переросли в уверенность: послание нужно доставить. Доставить во что бы то ни стало.

Время шло. Джошу казалось, что он слышит, как частицы времени проносятся сквозь и мимо него, улетая в вечность. Нужен был последний довод, та самая соломинка уверенности, которая бы сломала спину верблюду сомнения. Вдали тонко завыл песчаный шакал. Сломав печать, Джош дрожащими пальцами принялся расшнуровывать тубус. Послание он перечел трижды, прежде чем осознал, что в нем написано.

«Неизвестное эндемичное заболевание... первая стадия... пятна по всему телу... вторая стадия... летальный исход... особенно тяжело переносится пожилыми и детьми... буквально вчера выявлены ранние признаки болезни... выборочно осмотрены представители различных слоев... тотальное поражение всего населения... эпидемия... запасы лекарственных препаратов не позволяют спасти и третьей части... опасность распространения... посланник, возможно, инфицирован... всем, вступившим в контакт... универсальная вакцина... через два месяца спасать будет некого». Число и подпись.

Сунув листок с посланием обратно в тубус, Джош тщательно зашнуровал его, поднялся и расправил плечи. Ветер, словно обрадовавшись, налетел, запорошил горькой пылью глаза, сорвал шляпу. От выступивших слез все вокруг на мгновение расплылось в одно большое разноцветное пятно, и вдруг Джош явственно увидел в этом пятне Лиз, Марту и Марка. Они смотрели на него и улыбались...

Спустя три дня он пришел в себя на перевале через Стонущий хребет. Это был самый тяжелый отрезок пути в Фербис. Холодное дыхание ледника выстуживало окрестности, и на перевале всегда стояла минусовая температура, за что его и прозвали Холодным. Обычно посланники преодолевали этот участок в течение одного перехода, на максимальной скорости. Джош очнулся от холода. Он полз по покрытым ледяной коркой камням, и язвы на его теле пятнали лед кровью.

В бреду Джошу казалось, что он по-прежнему здоров и движется привычным «скорым шагом», отсчитывая камни. Потом начались видения. Он вдруг ощутил, что стал огромным, выше деревьев, больше гор. Холодный перевал маячил где-то внизу, незначительный, точно кочка. Джош опустился на колени, встал на четвереньки и зарычал. От его рыка с неба посыпались звезды, ледник раскололся и съехал в ущелье, земля задрожала. И тут он увидел дерево. Это была старая, давным-давно засохшая каменная сосна. На ее ветке сидел крылозуб и топорщил перья. Джош вытащил звенч, какой-то частичкой сознания удивившись, что тот такой грязный, и показал оружие крылозубу. Черная тварь его не пугала, скорее вызывала гадливое чувство из-за способа воспроизводства.

Потом пришла боль. Язвы на теле вспыхнули огнем, и Джош закричал, катаясь по холодным камням, но холод не приносил облегчения. Его начало рвать, однако пустой желудок отзывался лишь мучительными спазмами. Джош задышался и хрипел. Он хотел умереть. Хотел, но не имел права.

К утру приступ прошел. Слабый, как младенец, Джош открыл глаза и увидел крылозуба. Тот сидел на самой нижней ветке, вывернув голую шею, и смотрел на человека блестящим агатовым глазом. Джош попытался закричать, чтобы отпугнуть крылозуба, но сил совсем не осталось. И тогда он пополз – вперед и вверх...

Еще через сутки Джош сидел на берегу реки, стекающей со Стонущего хребта по ту сторону Холодного перевала. Он только что сумел подтащить к воде охапку тростника, связанную ремнями от ранца. На самом деле это растение имело мало общего с земным тростником, достаточно сказать, что у него вообще не было листьев, а толстые, с руку взрослого человека, полые стебли были окрашены в синий цвет. Но здешний тростник тоже рос у воды, тоже шумел на ветру и тоже не тонул. Это был шанс, единственный шанс Джошу Гиббсона по прозвищу Длинная Нога.

Столкнув импровизированный плот в воду, Джош забрался на него, оттолкнулся мечом и поплыл. Из зарослей взвился крылозуб. Разочаровано, зло каркнув, он улетел в сторону гор. Оказывается, тварь все время следовала за человеком. Джош хотел подумать ругательство, но не смог – потерял сознание.

Река, называемая жителями равнины, раскинувшейся вдоль Ледяного хребта, Серединой, неспешно несла Джоша к далекому океану. Но полумертвый посланник знал: там, где Западная меднодорожная магистраль пересекает Серединную, у моста стоит поселок, называемый Каменный форт. Там – гарнизон, налажена караульная и дозорная службы. Его заметят. Его найдут. Начальник гарнизона увидит, что печать на тубусе сломана, и прочтет послание. Он все поймет, он примет решение, и все люди будут спасены.

Лежа на связке тростника, Джош кое-как стащил с себя куртку, мягкую и удобную куртку, сшитую ему Лиз. Звенчем он располосовал ее на широкие полосы и привязал себя к плоту. Звенч утонул. Джош лежал на спине и смотрел в небо. Там, в бирюзовой бездне, висело длинное размазанное облако, похожее на розоватую тропу, ведущую в неведомые дали. Джош улыбнулся, взялся за красный камень и шагнул на эту тропу...

* * *

Глухой ночной порой по Великой равнине, где-то между Лимесом и Одиноким хребтом, шел поезд. Низкие угловатые вагоны громыхали на стыках плит междодорожного пути. Стрекотали зубчатые колеса центровиков. Пыхтел, чадя горьким дымом и пуская снопы искр из трубы, трудяга-паровоз, детище военной поры. Его кокетчер украшали белые челюсти аллимота. Полгода назад грозный хищник попытался померяться силами с огнедышащим зверем – и проиграл.

За волнистыми стеклами вагонов в темном небе дрожал серебряный диск Аконита, похожий на бельмастый глаз. Тускло светились звезды. Пассажиры, разместившись на узких полках, спали. Позади остались вокзальная сутолока, ругань проводников, споры из-за мест, надсадный хрип носильщиков и опасливые взгляды попутчиков, старающихся побыстрее затолкать в багажные ящики свой нехитрый скарб.

Поезд спал – и не спал. Тяжелый дорожный сон сумел одолеть далеко не каждого. В душных вагонах, пропитанных кислыми запахами медного окисла, плохо выделанных кож и копченой прыгунятины, ароматами браги и лепестков желтушника, смрадом гнилых зубов и потных тел, большинство из полутора сотен торговцев, фермеров, ремесленников, служащих, паломников балансировали на грани забытья, погруженные в мечты, заботы, радости и горести своей для каждого и общей для всех жизни.

В последнем вагоне на жестких досках нижней полки лежал, глядя в ночь, уполномоченный представитель Государственного канцлера Медеи Клим Елисеев. Рядом, голова к голове, безмятежно похрапывал, обняв пулевую винтовку и шевеля во сне толстыми губами, верный ординарец Елисеева Цендорж Табын.

Вагон, в котором они ехали, сильно мотало. Поезд мчался на восток. Клим беззвучно усмехнулся. Мчался – это сильно сказано. Междодорожный путь не позволяет развить скорость свыше сорока километров в час. В редких случаях машинист может разогнаться до пятидесяти. На далекой олд-мамми с такой скоростью ездили триста лет назад. Тут, на Медее, это пока – рекорд.

Елисееву не спалось. Не то чтобы он страдал от бессонницы, нет. Но события последних дней, а самое главное – дней предстоящих, требовали глубокого осмысления. Тут нельзя было положиться на волю рока, исповедуя принцип «будь что будет» или «чему быть, того не миновать».

Загадочный и пугающий объект «Зеро», огромный металлический шар, пожирающий скалы где-то в отрогах Экваториального хребта... Клим имел четкий приказ от Государственного канцлера – организовать поисковую экспедицию и обнаружить объект. Кроме того, они с Лускусом поговорили, что называется, по душам, и одноглазый канцлер сказал ему:

– Браток, я тебя не как официальное лицо, я тебя как друг прошу – найди эту хреновину. У меня осталось два пузыря и десяток преданных стэлменов. Они будут ждать. Но всему есть предел, даже их верности и терпению.

– Ты думаешь, объект «Зеро» как-то поможет нам? – спросил тогда Клим.

Лускус помолчал, глядя единственным глазом на огонек масляной лампы, и наконец ответил:

– Я не знаю, что за последние годы произошло в руководстве Федерации, хотя и подозреваю худшее. Но я уверен: если информация об объекте поступит к моему, я подчеркиваю – к моему непосредственному начальству в Главном управлении разведки, Медея получит статус «закрытой территории» с объявлением военного положения. Это коснется всего – безопасности, обеспечения колонистов и прочего. Кроме того, я не исключаю, что будет

проведена тотальная эвакуация. И уж конечно, отсюда будут вывезены все, кто этого пожелает. Ты хочешь вернуться на олд-мамми, Клим? Нет, я не правильно спросил: вы с женой и вашим будущим ребенком хотели бы вернуться домой? К нормальной, полноценной жизни? К жизни, в которой тебе не придется больше ездить верхом на прыгуне, стрелять из арбалета, носить доспехи и ежедневно рисковать собой? К жизни, в которой твоей жене не придется выделывать дурнопахнущие шкуры, сучить пряжу, готовить еду на костре и рожать детей в первобытных условиях?

– Это ты правильно сделал, что поправился, – улыбнулся Елисеев. – И ты знаешь мой ответ.

– Тогда найди объект «Зеро». Я дам тебе самые широкие полномочия. Мобилизуй хоть все население Великой равнины, загони их в горы, заставь облазить каждое ущелье, обнюхав каждый камень, но найди его!

– Ну, зачем же все население. Хватит и десяти человек. Мы в точности повторим тот путь, которым шли с Цендоржем. Я все понимаю. Мы найдем объект. Не сомневайся.

План Клим был прост: на поезде добраться до Каменного форта, стерегущего переправу через Серединную реку, получить у местного начальства необходимые припасы, набрать из гарнизона подходящих людей, выдвинуться в сторону гор и от той безымянной, номерной крепостицы, к которой они с Цендоржем вышли после катастрофы разведывательного дирижабля «Кондор», двинуться обратно, идя по собственным следам полугодовой давности.

Казалось бы, все просто и понятно. Клим рассчитывал управиться за два месяца и вернуться в Фербис до родов. Медя сказала, что, судя по всем приметам, ребенок должен появиться на свет в начале августа. Но в момент прощания с женой у Елисеева возникло стойкое ощущение неправильности происходящего. Он пытался успокоить себя, он гнал это чувство прочь, как назойливую муху, но оно всякий раз возвращалось, и Клим мрачнел, понимая, что с таким настроением нельзя затевать настолько масштабное и важное дело.

Ночной вагон полнился разнообразными звуками – в приглушенный лязг колес, в скрипы и шорохи вплетались негромкие разговоры пассажиров. Чтобы хоть как-то отвлечься, Клим прислушался к беседе двух женщин, устроившихся неподалеку. Судя по всему, это были жительницы поселка, расположенного где-то на востоке, у Лимеса. Сперва речь у них шла о вещах обыденных: о детях и внуках, о ценах на шерсть и кожи, о какой-то Юдифи, которая «бесстыдница, едва только муж за порог, она сразу бежит к этому чернявому арабу». Но вот одна из женщин, пожилая и очень уверенная в себе, заговорила о новостях с равнины. Клим насторожился – разговор коснулся вещей, слухи о которых в последнее время тревожили всех.

– Ты не думай, кума Серафима, что это брехня. Андреас мужик путевый, он зря говорить не станет, да. Трое их было – сам Андреас, племянник его, Тео, ну, высокий такой, ты его видала. И рябой Димитр, сын тетки Кончиты, да. Ну и вот, значит, погнали они стадо прыгунов на ярмарку в Холмы, ну, чтобы продать. Два дня пути это, да. Ночевали у Кривого камня, само собой. Там загоны обустроены, чтобы прыгуны не разбрелись, место хорошее. Да только ночью, едва они спать легли, наскочили на них какие-то... Все в черном, с копиями. Человек двадцать, да. Сами себя прозывают снейкерами, ну, змейщиками по-нашему, и на груди у них, вот тут, у каждого змей наколот, круглый такой, в зубах хвост держит, да. В общем, змейщики эти и говорят: нам, говорят, прыгуны нужны. Мужики, понятно, за самострелы взялись – кто свое добро за так отдаст? Ну, вышла у них драка. Так те, в черном, наших-то копиями покололи, связали, а сами десяток прыгунов взяли, а остальных перерезали всех!

– Ой, страсти-то какие! – вскрикнула кума Серафима.

– Это еще не все! Из них Андреас-то один и выжил. И Тео, и Димитра – обоих их аллимот сожрал, да. Те, змейщики, их так связанными и бросили, да еще и пораненных. А на запах прыгуньей крови аллимот пришел, да...

– Ужасы какие ты рассказываешь, кума Марта. А что за черные? Нашли их потом?

– Искали... Андреас, чуть только оправился, мужиков собрал. Я, говорит, жить не буду, а тварей этих найду. Пошли они, да. Недельку рыскали, да так ни с чем и вернулись. А пока ходили, змейщики эти налетели на ферму Йохана, сына бабки Гундулы. Все сожгли, разломали. Жена Йохана с детьми в степь убежала, тем и спаслись, да.

– Ну и дела творятся! Матушка святая Мария, за что нам все это? А что ж милиция? Это ж ихнее прямое дело – бандитов ловить.

– Ну, кума Серафима, насмешила ты! Милиции этой – два молодца на всю округу, да. День-деньской сидят в кабаке у Ставромакиса, брагу дуют да народ пугают, мол, чуть что нарушите – штраф возьмем.

– Кума Марта, а про рогача что слышать?

– А что... Летает. У нас только его рогатым треугольником прозывают. Над горами каждую неделю – туда-сюда. Дым, шум, вой. Я-то сама не видала, врать не буду, а старшой мой, Август, как за дровами в лес едет, так и видит его, да. Всегда вечером, на закате. Летит с гор, за добычей, наверное. На ярмарке говорили – кто-то видел, как треугольник этот опустился, прыгуна на рога поднял и унес, да. А некоторые думают, что он не живой, что новый аппарат в Фербисе изобрели. Старый Сид, глухой который, тот вообще говорит, что не наше это. Дескать, не может быть у людей на Медее таких технологий, да. Сид знает – в молодости инженером работал.

– Как же неживой-то? Аппаратов с рогами не бывает!

– А чего он тогда дымит? Еще бы огонь пускал – был бы чистый дракон, да.

– Ой, кума, страсти-то... А мне вот на базаре женщина одна, с побережья, рассказывала – у них рыбаки пропадать стали. Не, ну такое и раньше бывало, если шторм, к примеру, но редко. А теперь в ясный день выходит лодка в море – и все. Шесть человек уже пропало, с разных деревень – и это меньше чем за месяц!

Женщины помолчали, потом вновь заговорили, понизив голос:

– Пророк-то, что на Лежачих камнях, правильно говорит: ад это. Крышка адского котла. И мы на ней. Потому что грешники все. И идут из глубины за нами демоны, по следам идут и следы нюхают. А следы, говорит он, кровью пахнут. Никто не вырвется, никто не спасется, если к вольной жизни не вернется, как предки жили...

– Да, кума, плохие времена настали. Раньше вроде тоже тяжело было – война, да только порядка-то в той войне больше, да. А теперь... Эти, правительство-то временное, все никак договориться не могут промеж себя, кто главнее. Канцлер – ты его видала? – страшилище одноглазое, ужас просто. А мой-то, сам, говорит, что знал его, по лагерю еще. Мол, бандит он, каторжник, и клейма поставить некуда, да.

– Да уж, кума Марта, вот и живи... Душегубы, оказывается, нами правят! Может, они этих змейщиков и насылают? Одна шайка-лейка.

– Все может быть, кума Серафима. Но жить-то надо! Так что давай-ка спать, матушка моя. Хочешь наливочки хлебнуть на сон хороший? У меня она сладкая, на сахарном корне...

Разговор прервался, послышалось бульканье, причмокивание, по вагону поплыл сивушный запах. Вскоре женщины уже спали.

«Снейкеры-налетчики. Рогатый треугольник. Шестеро пропавших рыбаков, – отметил про себя Клим. – И бабьими сказками назвать это ну никак нельзя, хотя бы потому, что вести о сожженных фермах и нападения на пастухов поступают к Лускусу довольно давно. Другой вопрос, что обычно бандиты тревожили жителей западной части Великих равнин. Эти кумушки, конечно же, не в курсе, что Гриша Панкратов во главе двух батальонов Народной

гвардии гоняет их там, как сидоровых коз. А вот то, что банды появились и на востоке, – новость. Надо будет проверить и по гелиопочте послать сообщение в Фербис».

С этими мыслями Елисеев уснул...

* * *

В поездах не бывает доброго утра. Скученные в вагонах люди, привыкшие всяк жить по-своему, здесь вынуждены выставлять напоказ самое скрытое, интимное; нет у человека более сакрального в жизни, чем переход из призрачной вселенной сна, из «полусмертия» в то, что наши предки звали «тварным миром», явью земной. Посему просыпаются пассажиры обычно без настроения. Хмурые, неохотно берутся они за житейские дела и заботы, недовольно поглядывая по сторонам. Так было, так есть и так будет...

Клим проснулся поздно – Эос уже высоко поднялась над горизонтом, и ее лучи прошивали вагон насквозь. Золотые пылинки плавали в воздухе. Шаркали ногами пассажиры, спешащие за кипятком в конец вагона, где широкий в крестце немолодой проводник растопил титан. Многие недовольно ворчали – и без того узкий проход возле титана загромождала винтовая лестница, ведущая на крышу вагона, к двустольному паромету, чаще называемому стим-спитом. За лестницей примостился котел с топкой и запас сланцевых брикетов. Во время войны все пассажирские поезда оснастили скорострельными парометами – на случай нападения диверсионных групп врага. Теперь каждый колонист считал своим долгом высказаться по этому поводу – мол, сколько можно, не пройти, не проехать! Когда начальство распорядится убрать эти бандуры из вагонов? Чем они вообще там себе думают? Стрелок, молодой безусый парень в форменной куртке меднодорожной охраны, зевал и вяло отбредивался.

Всеобщий гул недовольства катался меж толпящихся у титана людей колючим клубком. Проводник только приглаживал пятерней всклокоченные седые патлы и вздыхал. Цендорж присел на свою полку, передал Елисееву исходящую паром кружку с заваренными листьями чайкофского дерева.

– Где едем? – поинтересовался Клим, прихлебывая ароматный, бодрящий напиток.

– Кустолесье, – коротко ответил монгол, жмурясь и отдувая пар.

Елисеев отставил кружку и пробрался к окну. Зеленоватое, с натеками, стекло, сработанное, видимо, в самом начале работы стекольного завода, искажало реальность, превращая ее в картины помешавшегося на зелени сюрреалиста. Тем не менее Клим увидел совершенно ровную плосковину, до самого горизонта покрытую высоким серо-коричневым кустарником. В небе, причудливо меняя форму, носились плотные стаи птиц. Кустолесье. Странное место, такие двухметровые в высоту джунгли, непроходимые и живущие по своим законам. Здесь обитают особенные звери и гады, здесь гнездятся миллионы птиц. Тянущиеся на сотни километров заросли дают приют и пищу насекомым, которые в свою очередь служат пищей для других существ – и далее по цепочке, вплоть до главного хищника здешних мест, пятнистого девятижила, прозванного так за удивительную живучесть.

Раньше Клим никогда не был в Кустолесье и теперь досадовал, что не может ничего толком рассмотреть сквозь мутное окно вагона, не имевшее даже форточки. Гомон у титана тем временем стих – все желающие, жаждущие и страждущие, получили наконец кипяток и теперь попивали всяк свой чаек, пошвыркивая, блаженно пыхтя и отдуваясь.

Вернувшись на место, Клим допил чайкофского и расстелил на коленях карту. Сориентировался он быстро – по северной стороне пути тянулись глубокие овраги, а такое место в Кустолесье было только одно – Веселые увалы. Когда во время войны свободники с помощью пленных прокладывали здесь дорогу, ведя ее по самому краю оврагов, чтобы не прору-

баться сквозь непроходимые заросли, десятники покрикивали: «Веселей! Веселей!» А потом был бунт, ночная кровавая резня и два десятка трупов. С тех пор увалы и стали Веселыми...

Привычный грохот колес вдруг сменился пронзительным скрежетом. Захрустели, крошась, шлицы центровиков. Люди, посуда, немудреная домашняя снедь – все полетело на пол. Многоголосая ругань ударила по ушам:

– Дрова он везет, что ли?!

– Мать твою, ногу, ногу-то придавил!

– А-а-а, кипятик! Горячо-о-о!!

– Да что ж такое, а?! Все ягоды подавила!

– И в морду! В морду, как доедем!

Стрелок, выпучив голубые глаза, все никак не мог попасть ногой в сапог. Клим сунулся к окну.

– Зараза! Ни хрена не видно!

Совладав с сапогом, стрелок полез по лесенке на крышу. Проводник, побагровев лицом, тряс обожженной рукой – он машинально ухватился за раскаленный титан и теперь на чем свет клял свою тяжкую кочевую долю.

Сквозь гул голосов и шарканье множество ног Елисееву слышались какие-то пугающе знакомые звуки, доносящиеся снаружи. Словно там несколько человек принялись хлопать палками по натянутым шкурам. Но прежде чем он догадался, что это, стрелок загромыхал по лестнице обратно и застрял внизу, нелепо вывернув руки. Из правой его глазницы торчал короткий арбалетный болт...

– Цендорж, окно! – крикнул Клим, пытаясь вытряхнуть из мехового чехла свою винтовку. Монгол ударил прикладом, и каленое стекло разлетелось в брызги. Елисеев, отшвырнув пустой чехол, высунулся – в двух десятках шагов из зарослей торчало несколько темных фигур с большими арбалетами на изготовку. В голове состава слышались крики и лязг клинков.

Клима заметили – сразу четверо налетчиков выстрелили, и смертоносные болты звонко ударили в медную обшивку вагона.

– На пол! Всем лежать! – заорал Елисеев и принялся пробираться к лестнице. В глазах проводника застыл ужас.

– Чего сидишь?! Пары разводи! – рывкнул на него Клим, обернулся к Цендоржу: – Патроны эконошь! Бей только наверняка!

Ухватив незадачливого стрелка за ноги, Елисеев вывернул еще не окоченевшее тело из лестничной спирали и полез наверх, машинально потрогав паропровод, ведущий к орудию. Холодный. Пока разгорится сланец, пока закипит вода – пройдет минут семь-восемь. Долго, очень долго...

Выбравшись наверх, Клим вжался в щиток турели, проклиная себя за то, что не взял в дорогу ни шлема, ни панциря. Изогнув шею, он огляделся. Ни один стим-спит не стрелял. На крыше соседнего вагона лежал стрелок, весь утыканный стрелами. Возле паровоза шел бой – охрана поезда рубилась там с нападавшими. «Если они захватят локомотив – все», – подумал Клим, передернул затвор винтовки и просунул ствол в прорезь щитка.

Первого арбалетчика он снял, как в тире – спокойно выцелил и попал в голову. Налетчики тут же ответили, и не менее десятка болтов пробарабанили по толстому бронзовому щитку гибельный марш. Внизу пыхтел проводник. Сухо треснул выстрел из окна вагона – Цендорж воспользовался тем, что арбалетчики сосредоточились на Елисееве, и застрелил еще одного.

– Минус два, – прошептал Клим. – А сейчас будет минус три...

Выстрел – приклад бьет в плечо. Мимо!

–С-сука! Сглазил! – заорал Елисеев, чувствуя, как в нем закипает злая, азартная ярость. Арбалетчики уже не торчали из кустов, подобно неподвижным мишеням. Перемещающаяся вдоль вагонов, ныряя в колючие заросли, они вели постоянный беглый огонь.

–Ты давление когда дашь, гад?! – нагнувшись над люком, прорычал Клим проводнику.

–Счас, счас! – испуганно взвизгнул тот, на мгновение показав потное, чумазое лицо.

Торчащая из крыши вагона труба наконец-то разродилась дымом. Теперь нужна была тяга, сильная, гудящая тяга, чтобы сланец занялся как следует. Снизу появилось суставчатое «второе колено», поданное проводником.

–Цендорж, прикрой! – крикнул Клим и под треск выстрелов высунулся из-за щитка, косо нахлобучив «второе колено» на покрытую сажей трубу. Несколько болтов ударили в бронзу – но поздно.

–Вот так вот! – удовлетворенно сказал Клим, глядя, как дым сразу стал гуще и жирнее.

Он сделал еще два выстрела, подранив одного арбалетчика. Целиться было невозможно – к тем налетчикам, что контролировали хвост поезда, подключилось еще как минимум с десятков человек, и смертоносная плеть болтов хлестала по крыше вагона беспрерывно. Вскоре стрелявшим удалось сбить «второе колено», но дело было сделано – сланец разгорелся, набрал температуру, и котел стим-спита начал «давать давление».

Вслушиваясь в звуки боя, идущего у паровоза, Клим, сам того не замечая, вслух уговаривал неизвестных ему меднодорожников – а может быть, само время:

–Ну, еще немного... Чуть-чуть продержитесь... Еще минутку...

Наконец на кожухе стим-спита тоненько запищал сапун-контролька. Прикрутив колпачок, Елисеев оскалил зубы в недоброй усмешке:

–Ну, вот и все, ребята!

Ухватившись за поворотную скобу, он вывернул турель, опустив задранные в небо стволы, прикинул траекторию и нажал коленом на тугую педаль. Кольчатая лента, набитая тупоносими цилиндрами со взрывчаткой, пришла в движение. Орудие задрожало и с натугой выплюнуло первые снаряды.

Ф-ф-ф-ш-ш-банг-банг! Ф-ф-ф-ш-ш-банг-банг! Звуки выстрелов оглушили Клима. Мгновение спустя в зарослях возле паровоза расцвели оранжевые кусты разрывов.

–А теперь дезинсекция! – заорал Елисеев, ворочая турелью.

Банг! Банг! Банг! Он короткой очередью накрыл мешавших целиться арбалетчиков, сделал несколько выстрелов по кустарнику у середины состава и перенес огонь в сторону паровоза, всеми богами заклиная охрану не соваться под дружественный огонь.

Заросли вспыхнули, и пламя с веселым треском принялось пожирать тонкие ветки. Густой дым поплыл над Кустолесьем, и в этом дыму тонули крики налетчиков. Клим захохотал, посылая в разгорающийся пожар снаряд за снарядом.

Станный хлопок он услышал и вычленил из общего шума боя едва ли не случайно. Звук пришел со стороны, и одновременно с ним загудел защитный щиток орудия. Елисеев скосил глаза и увидел чуть смятый наконечник пули, пробившей лист бронзы и застрявший в ней...

* * *

Бой закончился так же неожиданно, как и начался. Нападавшие исчезли, растворились за завесой дыма, канули в Кустолесье. В паромете клокотало. Клим привалился спиной к подрагивающему орудью, вытер пот и усмехнулся – у него тряслись руки. Паровоз дал длинный сиплый гудок и следом за ним два коротких – сигнал общего сбора.

Елисеев сполз по лесенке вниз, оглядел перепуганных пассажиров, лежащих на полу, подмигнул проводнику и залпом выпил полную кружку теплой меднодорожной воды.

Котел паровоза оказался пробитым в трех местах – весело журчали струйки воды, разбрызгиваясь на ветру. Трое охранников, закинув за спину пружинные стрелометы, зачехлялись дыры. Начальник охраны, злой и дерганый, то и дело срывался на ругань, отгоняя любопытных от паровоза. Елисеев показал ему медную пластинку удостоверения.

– А, это ты там так вваливал? – с уважением прохрипел начохр и пожал Климу руку. – Да, взяли нас за яйца. Интересно, теперь всегда так будет?

...Помощник машиниста, сибиряк, знакомый Климу еще по обороне Лимеса, нянчил пробитую навывлет руку, скупно цедя сквозь сжатые зубы слова:

– Когда увидели разобранный путь, Авдеич вдарил по тормозам. Тут и началось... Первым кочегара, Саидку. В голову. Вон лежит. Стрелять они умеют, мать их... Охрана из кунга высыпала – и трое сразу легли. Потом, когда полезли, и Авдеича... В общем, у нас всего девять трупов.

– И в вагонах семнадцать, – кивнул Клим. – Итого двадцать шесть.

Пассажиры, высыпав на насыпь, озирались, разговаривая вполголоса. Убитых сложили в стороне, рядом добровольцы рыли братскую могилу. Цендорж и трое уцелевших бойцов меднодорожной охраны прочесывали окрестные заросли, стараясь держаться подальше от пожарища.

– Ничего нет, Клим-сечен, – доложил монгол, вернувшись. – Своих убитых они унесли.

– Ясно. – Клим невесело хмыкнул, повертел в руках выковырянную из щитка стимула пулю. Он уже сличил ее с теми, что были в патронах их с Цендоржем винтовок. Пуля оказалась другой – тоньше, длиннее и тяжелее. Елисеев отметил про себя, что нужно обязательно поподробнее расспросить Лускуса относительно пулевого оружия, захваченного в свое время стэлменами.

Путь восстановили довольно быстро – на крыше тендера имелся достаточный запас меднодорожных плит, а от желающих побыстрее покинуть это проклятое место отбоя не было. Еще до захода Эос утыканный арбалетными болтами состав продолжил свой путь на восток. Теперь в турелях на крышах вагонов постоянно дежурили стрелки. Выбитые стрелами окна затянули шкурами и одеялами. Угрюмые охранники вглядывались воспаленными глазами в сгущающиеся сумерки, в паровозной топке гудело пламя. Клим, примостившись на ящике с тормозными башмаками, писал донесение Лускусу. Весь оставшийся путь до Каменного форта они проделали без происшествий...

* * *

Каменный форт, угрюмая цитадель на приречном холме и несколько сотен разномастных домов вокруг, встретил прибывший состав с мрачной настороженностью. О нападении тут уже знали – по дороге остановившись у поста связи, Клим отбил гелиограмму с грифом «Всем, всем, всем».

Новоиспеченный мэр городка, еще несколько месяцев назад являвшийся военным комендантом Каменного форта, сухо поздоровался с Елисеевым, отдал распоряжение насчет раненых и пригласил Клина и Цендоржа к себе, в Змеиную башню. Змей на Медее до сих пор никто не видел, а башню прозвали так за странный рисунок прожилок на камнях, из которых она была воздвигнута.

Мэра звали Рене Лиссаж. Во время войны на Земле он был премьер-майором в армии Великой Коалиции, потом, как и большинство офицеров, попал в Пенемюдский лагерь, а уже оттуда – на Медее. Когда колонисты разделились на две враждующие стороны, Лиссаж оказался в рядах свободников, получил под командование пехотный полк и участвовал в штурме Лимеса. На Клима и Цендоржа он смотрел настороженно и без приязни. В колючих темных глазах француза Елисеев ясно прочел нежелание иметь дело с бывшим врагом.

В просторном и гулком кабинете Клим передал мэру подписанные Лускусом бумаги, касающиеся экспедиции. Тот мельком глянул на них, отложил в сторону.

– Все понятно. Надо обеспечить – обеспечим. Но прежде не могли бы вы поподробнее рассказать о нападении на поезд, в котором ехали?

– Да, собственно, и рассказывать-то нечего. – Клим недовольно дернул плечом. – Место они выбрали удачное: с одной стороны заросли, с другой обрыв. Разобрали пути. Били с тридцати метров, как в тире. Чисто бандитская тактика. Если бы не доблесть охраны, мы бы сейчас с вами не разговаривали. Думаю, нужно принять меры.

На худом лице мэра заходили желваки.

– Конечно, господин уполномоченный! Придется строить там стационарный блокпост.

– Нет, не придется, – быстро возразил Клим. – Нужно попросту выжечь всю растительность вдоль дорожного полотна и ввести круглосуточное дежурство у вагонных парометов.

Лиссаж пожевал сухими губами и, словно через усилие, вытолкнул из себя:

– Мне доложили, что именно вы, господин уполномоченный, проявили себя как бесстрашный боец.

– Давайте оставим комплименты для светской беседы у камина, – поморщился Клим. – У нас мало времени.

– Как вам будет угодно. – Было видно, что мэр здорово разозлился. – Но прежде чем мы приступим к комплектации вашей экспедиции, мне хотя бы в общих чертах нужно знать ее цели. В противном случае я не смогу в должной мере помочь вам...

– Вам, господин мэр, нужно знать ровно столько, сколько нужно, – жестко сказал Елисеев. – А все, что от вас требуется, – это выполнять мои приказы. Вам ясно?

Лиссаж побагровел, сжал кулаки и несколько секунд молча смотрел в стол. Наконец он вскинул голову и уже открыл рот, чтобы дать представителю Государственного канцлера достойный офицера ответ, как вдруг дверь распахнулась и на пороге появился ражий детина в наборном панцире.

– Господин комендант... Прошу прощения, господин мэр! Река принесла труп. Мужчина, лицо съедено черными чайками. Тело привязано к плоту из тростника. Такой растет в верховьях Серединной.

– И что же?! – рявкнул Лиссаж, давая волю накопившемуся гневу. – Вы сами не можете разобраться, Мюррей? Обязательно нужно тревожить коменданта... тьфу ты, мэра, по пустякам?

Детина вытянулся во фрунт, окаменел лицом и гаркнул:

– Прошу простить, сэр! На трупе ожерелье посланника, сэр! И тубус с адресацией, сэр! Получатель – Государственный канцлер, сэр! Печать на тубусе сломана! Разрешите идти, сэр?

Клим с Цендоржем переглянулись. Лиссаж выругался...

* * *

Он лежал на каменной плите, распухший, безобразный. Жутко розовел объединенный падальщиками безглазый череп. В воздухе висел густой смрад. Клим сглотнул вставший в горле ком и шагнул к мертвецу. Цветные камни на шнурах, кожаный тубус, сломанная печать, мокрые сморщенные ремешки... Сомнений быть не могло – этот человек при жизни входил в гильдию посланников Горной республики. Почти наверняка Елисеев знал его, делил пищу, сражался плечом к плечу с хрустальными червями. И вот теперь он превратился в бесформенную тушу, покрытую темными пятнами.

В морге, длинном сыром подвале, было довольно прохладно. Лиссаж в дверях негромко переговаривался с двумя стражниками. Цендорж с интересом рассматривал

пустые полки. Скучающий врач покачивался с пятки на носок, заложив руки за спину. Клим протянул руку и расправил пергаментный клочок с адресацией. Да, все верно – покойник нес послание для Государственного канцлера. Кто же вскрыл тубус? Почему тело гонца оказалось на углу плотике посреди реки? Какая драма разыгралась в ее верховьях?

– Что вы намерены предпринять, господин уполномоченный? – Голос Лиссажа заставил Клима вздрогнуть.

– Не разбив яйца, не сделаешь яичницы, – вздохнув, ответил Елисеев, открыл крышку тубуса и вытащил скрученный в трубку лист. По влажной бумаге ползали черные слизи. Буквы слегка расплылись, но текст читался.

– Возможно, вы правы, хотя я бы все же постарался доставить это письмо адресату. – Лиссаж выпятил подбородок. – Дура лекс, сэд лекс...

– У нас мало времени, – буркнул Клим, вчитываясь в ровные строчки. Он почему-то уже знал, что послание не несет в себе ничего хорошего. Но действительность оказалась гораздо суровее всех его предчувствий. Елисеев перечел текст дважды, прежде чем нашел в себе силы обернуться и посмотреть на мэра Каменного форта.

– Вы... – Голос дрожал. – Вы тоже... Прочтите. Вы должны знать.

Лиссаж взял лист, впился глазами в строчки – и побледнел. Цендорж, почувствовав неладное, приблизился, засопел над ухом мэра.

– Карантин. – Клим выговорил это слово с отвращением, точно стряхивая грязь с одежды. – Полный всеобщий карантин. Закрыть торговлю. Выставить блокпосты на дорогах. И...

– И сжечь тело, – закончил за него Лиссаж. Он не глядя положил бумагу на полку и добавил: – Хотя нам это уже не поможет. Норман! Вы слышали? И через полчаса предоставьте мне отчет обо всех имеющихся у нас медикаментах!

Скучающий в сторонке врач открыл было рот, чтобы что-то сказать, но мэр жестом приказал ему молчать.

– Нужно срочно дать гелиограмму в Фербис. – Клим сорвался с места. – Лиссаж, пусть меня проводят!

Гарнизонный гелиограф Каменного форта находился на вершине Змеиной башни. С сигнальной площадки открывался прекрасный вид на окрестности форта, но Климу сейчас было не до пейзажных красот. Он пристально вглядывался в линию горизонта на западе, словно бы пытаясь разглядеть там вышку ближайшего гелиографического поста. Таких постов на протяжении всего пути до Фербиса было тридцать семь. Хорошо укрепленные, укомплектованные охранными полувзводами, посты обеспечивали связь вдоль всего полотна меднодорожного пути вплоть до отстоящего на семьсот сорок километров на восток от Каменного форта поселка со странноватым названием Девятый тупик. Лимес и Девятый тупик разделяли полторы тысячи километров. Меднодорожники уже готовились соединить Старую дорогу, ведущую от Лимеса к Красным холмам, и Большую дорогу, идущую из Фербиса через Каменный форт, в единую Трансмедейскую магистраль. Буквально через месяц планировалось торжественное открытие сквозного движения Фербис – Лимес. А вот гелиосвязь не поспевала за дорожниками, и строительство постов на востоке было делом будущего.

Обо всем этом Елисеев успел подумать, пока шла настройка гелиографа. Наконец двенадцатидюймовое зеркало поймало свет Эос, отраженный вогнутым концентратором, молодцеватый сигнальщик послал луч и, вытянув шею, с напряжением принялся вглядываться в затянутый дымкой горизонт. Вскоре там вспыхнула яркая звездочка – первый пост связи, удаленный от Каменного форта на восемьдесят километров, подтвердил готовность к приему сообщения. На Земле с такого расстояния передача была бы невозможна, но уни-

кальные свойства атмосферы Медеи позволяла разносить гелиостанции друг от друга иногда и на сотню километров.

Сигнальщик выпрямился и принялся щелкать заслонкой, изредка бросая взгляд на лист с цифрами. Код «три креста», что означало «сверхсрочно, секретно», он отбил буквально за секунду.

– Гелиограмма ушла, сэр! Факт приемки подтвержден. Дежурный сигнальщик Душан, сэр!

– Хорошо. – Клим кивнул и уселся на теплый каменный парапет сигнальной площадки. – Будем ждать...

* * *

Из дневника Клим Елисеева:

Колонисты болеют мало. Хвала богам и матери-природе – на Медее практически нет пагубных для человеческого организма микробов. Конечно, если в открытую рану попадет грязь, будет и заражение, и гангрена. Но даже здешний сепсис легко лечится нашими препаратами из индивидуальных аптек с посадочных модулей. Живой пример тому – я сам. Комплекс номер три спас меня, да и не только меня.

Что же касается инфекций, то мы боеем только привычными для людей болезнями, которые попросту привезли с собой. Стрептококки, стафилококки, менингококки, вирусы герпеса и парагриппа – все эти вечные «заклятые друзья» человечества на протяжении всей его истории не оставили нас и на Медее.

Я помню, как в самом начале, после катастрофы, кто-то из персонала нашего тогда еще очень импровизированного, «дикого» госпиталя обмолвился:

– Неизвестно, как наши бактерии и вирусы поведут себя в новых для себя условиях. Возможны самые дикие мутации...

И вот «пятнуха». Что она? Каков ее генезис? Местный ли микроорганизм, доселе поражающий, например, лишь альб или черных чаек и вдруг открывший для себя человека разумного, вызывает ее? Или вполне безобидный вирус, привезенный с Земли, под действием неизвестных нам факторов превратился в смертоносную инфекцию, грозящую выкосить все население планеты?

Успокаивает лишь одно – с заразой можно бороться. Она уязвима. Универсальный фаг, комбинированный антивирусный и антибактериальный препарат, «вакцина от всего», содержащийся в комплексе номер четыре, гарантированно побеждает «пятнуху». По крайней мере, так пишет Мак-Даун, и ему можно верить. Старый шотландец не просто умен, он хитер и расчетлив, достаточно вспомнить исход фрименов с плоскогорья накануне появления хрустальных червей. И если Мак-Даун поднял тревогу – стало быть, ситуация и впрямь угрожающая.

Доселе мы очень мало использовали маркированные желтым кружком трубочки с комплексом номер четыре. В основном это средство вводили детям, да и то только самым слабым, тем, чьи организмы не могли самостоятельно справиться с острыми инфекциями.

Стало быть, запас лекарства у нас должен быть весьма велик. Большинство медикаментов Сыч вывез в Фербис еще до войны. Какая-то часть хранится за Лимесом, у Лапина. В Горной республике комплекса номер четыре фактически не осталось. Лускус, конечно же, уже отправил караван и за фрименов можно не волноваться. Однако, для того чтобы полностью исключить возможность эпидемии, препарат нужно ввести всем колонистам Медеи! Это трудно в организационном плане, это хлопотно и долго, но самое главное – скорее всего, просто невозможно, потому что на всех комплекса номер четыре не хватит...

Посмотрим, что ответит Лускус. Отсюда до Фербиса три с небольшим тысячи километров. Гелиограмма проходит это расстояние за шесть часов. Стало быть, мое сообщение давно получено, но ответ придет не раньше завтрашнего полудня. Хуже нет ждать и догонять. Хорошо хоть этот Лиссаж, которого я про себя прозвал «мэрсским комендантом», едва запахло реальной опасностью, проявил себя как человек деятельный и вменяемый. Все въезды и выезды из города перекрыты, ярмарки разогнаны, население оповещено об угрозе эпидемии, усиленные патрули поддерживают порядок. Всюду висят черные карантинные флаги. Мы, те, кто имел контакт с телом посланника, находимся на своем, внутреннем карантине в Змеиной башне. Утром гарнизонный, точнее, уже просто городской врач начнет лечение. У него нашлось в загашнике две с лишним сотни трубочек с препаратом. На всех горожан не хватит, но будем надеяться, что пока комплекс номер четыре массово и не понадобится.

Скорее бы утро. Выход должен быть, я чувствую. Конечно же, наша экспедиция, объект «Зеро» – все отодвинулось на второй план. Впрочем, это меня не сильно тревожит. Куда сильнее я переживаю за Медею и нашего не рожденного еще сына. Раньше мне как-то не приходило в голову, сколько опасностей подстерегает маленького человечка после появления на свет. «Пятнуха»... Я сам приложу все усилия и заставлю всех вокруг сделать то же, чтобы известить эту дрянь.

* * *

Клим проснулся на рассвете от громкого топота за дверью. Цендорж уже стоял посреди комнаты с винтовкой на изготовку. На пороге возник Лиссаж. Покрасневшие глаза говорили о том, что «мэрский комендант» всю ночь не спал.

– Гелиограмма от Государственного канцлера! Пришла с утренним лучом. Видимо, была отправлена часа в три, на искусственных источниках света.

Елисеев взял лист и уселся на смятую кровать. Лускус был лаконичен. Спешная проверка медицинских складов показала, что комплекса номер четыре едва хватает для вакцинации половины населения Медеи. Клим похолодел, у него задрожали руки. Накатила дурнота. Пришлось потереть лицо, украдкой ущипнуть мочку уха. Боль несколько отрезвила, и он вновь поднес гелиограмму к глазам.

«На планете есть запас медикаментов, в несколько раз перекрывающих наши потребности, – писал Лускус. – Но он находится на Втором малом посадочном модуле. По результатам экстренного заседания Временного правительства принят указ за номером 299, согласно которому Климу Елисееву делегируются самые широкие полномочия по извлечению препаратов из затопленного модуля».

Второй малый модуль. Озеро Скорби. Братская могила для десятков тысяч так и не вышедших из анабиоза колонистов. Клим выругался. Лиссаж и два его помощника, застывшие в дверях, как по команде вопросительно посмотрели на него. Однако, прежде чем Елисеев удовлетворил их нетерпение, нужно было дочитать послание. В последних строках Лускус писал, непосредственно обращаясь к нему:

«Клим! Ваша экспедиция, как ты понял, откладывается на неопределенный срок. Сейчас важно спасти колонистов. У нас на востоке нет других людей, которые смогли потянуть это дело, – только ты. Инженеры Чжао Жэня предложили построить и доставить на озеро Скорби водолазный колокол, но у них на это уйдет как минимум месяц. Не знаю, что такое этот колокол, но, думаю, Шерхель и его арбайтеры справятся. От Лимеса до озера дней десять пути. Люди Лапина тебе помогут. Не мешкай. Караван с лекарствами уже на пути в Горную республику. Мы же фактически беззащитны перед болезнью. Все распоряжения

касательно карантинных мер отданы. Клим, вся надежда на тебя. Помни о жене и ребенке. Лускус».

– Помни о жене и ребенке, – вслух повторил Елисеев. – Сволочь. Можно подумать, я...

– Простите? – Лиссаж нахмурился.

– Нет-нет, все нормально. – Клим встал, снова потер ладонями лицо. – Значит, так, господин комендант...

– Мэр! – подсказал один из помощников Лиссаж.

– Комендант! – повысив голос, снова произнес Клим. – Ибо с сегодняшнего дня я ввожу в Каменном форте и окрестностях военное положение, а стало быть, господину Лиссажу возвращается его армейская должность.

Француз неожиданно улыбнулся и расправил плечи.

– Немедленно подготовить паровоз серии «И». Я выезжаю на Лимес, – продолжил Елисеев. – Вам же надлежит отобрать до роты лучших бойцов и во главе них выдвинуться к озеру Скорби. Разбить лагерь, оповестить местное население, выставить карантинные посты, подготовить инфраструктуру для крупномасштабной операции по подъему медикаментов из Второго малого модуля.

– Но это же мемориал... могила... – пробормотал Лиссаж.

– Не понял?! – гаркнул Клим.

– Приказ ясен, сэр! Разрешите выполнять? – Бывший мэр вытянулся в струну.

– Конечно. Я с необходимым оборудованием и рабочими прибуду на озеро в течение трех... нет, двух недель.

Комендант повернулся и шагнул на лестницу.

– Лиссаж! – окликнул его Клим. – От вас зависит очень многое. Вы понимаете?

– Поверьте, господин уполномоченный, я понимаю, – очень серьезно ответил француз.

* * *

Спустя полчаса Клим с Цендоржем спешили на меднодорожную станцию, где пыхтел подготовленный для них локомотив. По сравнению со вчерашним днем Каменный форт разительно преобразился. Исчезли шумные базарчики, двери лавок и магазинов украшали замки. На улицах виднелись только парные патрули военных, над перекрестками слабо колыхались черные карантинные флаги.

Необычно оживленно было только у здания больницы – тут стояла настоящая очередь. За порядком следили несколько солдат с алебардами, но жители Каменного форта обращали на них мало внимания, стараясь как можно ближе протиснуться к распахнутым дверям, над которыми висела табличка с суровой надписью «вакцинация». Позади больницы Клим и Цендорж неожиданно увидели свежесколоченную виселицу, на которой покачивалось чье-то тело.

– Кто это? – поинтересовался Клим у остановивших их патрульных, принимая назад документы.

– Врач наш, сука. – Бородатый солдат сплюнул в пыль. – Он ночью еще по купцам да тем, кто побогаче, побежал – вакцину купить предлагал, чтобы, значит, наверняка не заболеть. Ну, люди его и сдали. Сами. Господин премьер-майор лично дело разбирал. Хотя чего тут разбирать, собаке собачья смерть. Сказал – в петлю, и вся недолга. Он у нас мужик резкий...

– Ну-ну, – кивнул Клим, а про себя отметил – Лиссаж, похоже, пользуется авторитетом у подчиненных.

На станции, под квадратной, похожей на лондонский Биг-Бен, водонапорной башней вовсю дымил паровоз новой серии «И», восьмиосный, с длинным котлом и двухсекционным тендером. Пожилой машинист высунул из люка чумазое лицо, украшенное седыми баками:

– Ну, и где тебя носит, начальник?! Только сланец зря жгем!

– Айда, пошел! – махнул рукой Клим, следом за Цендоржем забираясь в высокую кабину.

Истошно заорал гудок. Станционное здание потонуло в клубах пара. Над шпилем водонапорной башни взвился синий флажок. Слитно вздохнули цилиндры, зазвенели клапана, щелкнули колеса центровки, а потом все звуки потонули в грохоте колес – паровоз рванул с места и помчался навстречу неизбежному...

* * *

Черный дым столбом бил в бирюзовое небо. Медные плиты дороги летели под колеса, сливаясь в сплошную сверкающую ленту. Вокруг расстилалась степь. Паровоз серии «И», иначе говоря, «Иблис», ходко шел на восток. Елисеев не зря настоял, чтобы Лиссаж дал им именно «Иблис» – это паро-дышащее чудовище могло в случае необходимости идти и без меднодорожного полотна, прямо по грунту. Конечно, не быстро, конечно, только по сухому и твердому, но последний циклон переваливал через Экваториальный хребет три недели назад, и с тех пор в степи стояла иссушающая жара. Клим рассчитал так: когда они доедут до конца Западного участка магистрали, «Иблис» съедет с дорожных плит и двинется навстречу строительно-монтажному поезду Восточного участка. Судя по всему, расстояние между стремящимися друг навстречу другу монтажными поездами сейчас составляло не более двадцати километров. В том случае, если на пути возникнет какое-нибудь препятствие или почва станет непроходимой для паровоза, Клим планировал идти пешком. Двадцать километров – не двести...

Но пока думать об этом было рано – впереди лежала бескрайняя степь. Цендоржа Клим отправил на крышу паровозной кабины – следить за дорогой. Машинисту приказал выжать из котла все возможное и невозможное.

– Взлетим же, начальник! – скривил тот потное лицо.

– Отец, у нас каждый час на счету! Если мы не успеем, то какая разница, взлетим мы или нет, понял? – перекрикивая грохот колес, ответил Елисеев. Двое покрытых копотью кочегаров в плоских афганских шапочках переглянулись и начали орудовать лопатами с удвоенной силой.

Усевшись прямо на кучу сланца, Клим закрыл глаза. Он готовился ко встрече с Шерхелем. Что-то подсказывало ему, что встреча эта будет куда как не простой...

...После того как Зигфрид побывал в объятиях Жорного леса, он сильно изменился. Немец и раньше отличался одержимостью в отношении всего, что касалось металлургии и механики, а теперь он стал попросту невменяемым. Когда закончилась война и бывшие противники под чутким руководством Лускуса принялись за новое мироустройство, Шерхель решительно отказался в этом участвовать. Вместе с семьей и тремя сотнями арбайтеров, спешно собранных по городам и весям, Зигфрид вернулся за Лимес и объявил, что будет восстанавливать взорванный завод. Клим тогда попытался помешать этому, стараясь убедить друга, что его знания и энергия нужны в новой столице свободной Медеи, в Фербисе, но Шерхель стоял на своем. В итоге они поссорились и едва не подрались.

Точно так же отказался от всех постов во Временном правительстве и Прохор Лапин.

– Хватит, накомандовался я, – просто сказал он и увел четыре с лишним тысячи своих земляков за Лимес, к Медным горам. С Лапиным Клим уже не спорил, не до того было. Сразу же после примирения исчезла Акка. Майор Военно-Космических сил Федерации

Анна Морозова вместе со своим личным батальоном «Сокол» растворилась на бескрайних просторах Медеи, и до сих пор от нее не было никаких вестей. Все это сильно расстроило Клим, он даже начал подумывать, нужно ли было поддерживать одноглазого в его стремлении «перемирить» вчерашних противников. Однако Лускус развеял сомнения Елисеева одной-единственной фразой:

– Помни об объекте «Зеро»!

Клим помнил. И понимал, что пока эта штуковина будет ворочаться в своем каменном ложе, покоя ему не будет...

И вот теперь, спустя несколько месяцев, Климу предстояло не просто помириться с Зигфридом, но и уговорить, убедить, в конце концов, заставить его помочь. Конечно, угроза глобальной эпидемии была хорошим козырем в предстоящем разговоре, но Елисеев знал – Шерхель будет работать, только если по-настоящему загорится, проникнется важностью и нужностью предстоящего дела.

Клим здорово рассчитывал на Прохора Лапина. С сибиряком они всегда были в дружеских и по-мужички уважительных отношениях, а кроме того, Прохор отличался от всех колонистов, не исключая Лускуса, особенным здравомыслием.

«Зигфрида нужно огорошить сразу. У него жена, дети, он не может не подумать о них», – Клим не заметил, как сам уподобился Лускусу, намереваясь надавить на самое больное место немца. Неожиданно размышления прервал крик Цендоржа. Монгол свесил в люк покрытое гарью лицо и коротко доложил:

– Справа холм. Там люди. Много.

Клим кинулся к амбразуре правого борта, сдвинул тяжелую бронзовую заслонку и увидел холм не холм, а скорее небольшое возвышение метрах в четырехстах от дороги. На взлобке, среди проплешин жухлой травы стояли трое. У подножия гарцевала конница. Елисеев поморщился – далековато, лиц не разглядеть. Вот один из троих характерным жестом поднял руку к плечу и выкинул ее вперед, указывая на паровоз. Что-то в позе этого человека, в манере двигаться, в осанке показалось Климу знакомым, но сейчас было не до воспоминаний – всадники подняли прыгунов на задние лапы и с воплями устремились наперерез «Иблису», на скаку готовя арбалеты к стрельбе.

– Цендорж! Спускайся! – Клим повернулся к афганцам: – Мужики, постарайтесь. Если нас перехватят – всем конец.

– Матушка Мария, не покинь! – взвыл машинист, кидаясь за лопатой. Быстро переkreстившись, он присоединился к кочегарам и принялся споро кидать в топку крошево сланца.

Монгол встал у соседней амбразуры, высунул наружу ствол винтовки и прицелился.

– Клим-сечен, на всех патронов не хватит!

Елисеев невесело усмехнулся:

– Да ты оптимист.

– Я Цендорж Табын! – с достоинством ответил ординарец, щуря левый глаз.

Нападавшие гнали прыгунов во весь опор. Расстояние между ними и паровозом неумолимо сокращалось. В топке ревели пламя, едкий дым заполнял кабину, колокольно звенели клапана. Клим вытер со лба выступивший пот – становилось жарко. «Иблис» набрал ход, и его начало «качать» – верный признак того, что они шли со скоростью не менее шестидесяти километров в час.

– Ох, если не взлетим, то сковырнемся! – приговаривал машинист, зажмурившись, но все кидал и кидал в огненную пасть топки лопату за лопатой. Кочегары не отставали, и вскоре стало ясно – нужно стравить пар, иначе паровоз и впрямь сойдет с меднодорожного полотна.

– Шабашьте! – крикнул Елисеев паровозной бригаде и поймал в прорезь прицела вырвавшегося вперед всадника. По пояс голый, с арбалетом в правой руке, он гнал своего

скакуна огромными прыжками. Между ними теперь было не более ста метров. Клим ясно видел оскаленный рот, выпученные глаза и странный рисунок на блестящей от пота груди – не то круг, не то колесо.

– Ну, понеслась душа в рай! – пробормотал он и плавно потянул спуск. Винтовка бухнула, ударив стрелка в плечо, звонкая гильза заскакала по полу, рядом завертелась волчком вторая – это практически одновременно с Елисеевым сделал свой первый выстрел и Цендорж. К гари, заполнившей кабину, примешался кислый запах пороха.

Всадник с кругом на груди вылетел из седла и канул в высокотравье.

– Минус раз! – прошипел Клим, выбирая новую цель.

Лишившийся седока прыгун опустился на четыре лапы, по инерции пробежал еще несколько метров и остановился, равнодушно отвернув ушастую голову. Рядом, перелетев через шею своего скакуна, рухнул на землю убитый монголом человек.

– Уже два! – откликнулся Цендорж, зловеще улыбаясь.

Со свистом и улюлюканьем прыгуны всадники приближались. Счет пошел на секунды. В воздухе уже засвистели первые болты, пока еще пущенные на удачу, для устрашения врага. Клим успел выстрелить трижды, но вышиб из седел лишь двоих. Цендорж оказался более умелым стрелком и его общий счет равнялся пяти, при шести потраченных патронах.

Кочегары, отдышавшись, коротко переговорили на пушту и выволокли из-под наваленных в углу кабины ящиков два черных пружинных самострела, явно трофейных – такие ладили сибиряки Прохора Лапина. Один встал у последней свободной амбразуры, другой полез на тендер.

– Куда, дурак! – рывкнул Клим, но кочегар и ухом не повел. Вскоре в грохот винтовочных выстрелов вплелись резкие хлопки самострелов. Машинист, следя за дорогой через узкий продух, изредка кидал тревожные взгляды на стрелков, но ничего не говорил и не спрашивал – когда идет бой, хуже нет ляпнуть чего-нибудь под руку.

Клим перезарядил винтовку и досадливо поморщился. Они ссадили уже не менее полутора десятков всадников, но это, похоже, лишь разозлило нападавших. Стало совсем плохо – прыгуны налетчиков поравнялись с паровозом, но не стали лезть под колеса дышащего огнем и дымом чудовища, а развернулись широкой лавой, одновременно в упор разрядив свои арбалеты. Клим еле успел отшатнуться от амбразуры и сбить с ног Цендоржа. Несколько болтов влетело внутрь кабины, застряв в куче сланца. Выронив самострел, со стоном осел кочегар – ему пробило плечо. Из двери, ведущей в тендер, вывалился второй афганец и упал лицом вниз. Из его спины торчали окровавленные оголовки стрел. Следом влетел рубчатый шар гранаты с горящим запалом. Цендорж проворно подхватил ее и вышвырнул через верхний люк.

Еще одну гранату нападавшие бросили под колеса, но «Иблис» не подкачал, ловко отфутболив смертоносный бронзовый мяч широкой юбкой коукетчера.

Искаженные, злые лица всадников мелькали за амбразурами. Наступил решающий момент – враги начали штурм паровоза. Клим стиснул зубы, дернул затвор и перещелкнул вороненый флажок на автоматическую стрельбу. У него осталось два магазина. Цендорж, припав на одно колено в дверях тендера, стрелял в тех, кому удалось забраться на высокие борта. Елисеев вжал приклад винтовки в плечо и выпустил длинную очередь прямо в оскаленные морды прыгунов, мчавшихся совсем рядом. В ответ хлестанул арбалетный залп. Быстро перезарядив винтовку, Клим вновь расстрелял весь магазин за одно нажатие на спусковой крючок.

Всадники смешались. Несколько сраженных пулями прыгунов полетели под лапы своих сородичей и возникла давка. Люди вылетали из седел, страшно хрипели умирающие скакуны. Цендорж застрелил последнего из забравшихся на тендер, и паровоз вырвался

из западни, оставив врага позади. Клим отстегнул пустой магазин, пошарил в под сумке и усмехнулся – там перекатывались два «крайних» патрона.

Машинист, перевязав кочегара, вновь взялся за лопату, но перед этим дернул рычаг гудка и степь огласил торжествующий протяжный свист – победа! «Иблис» уходил на восток...

* * *

После боя человек всегда впадает в странный ступор. Казалось бы, еще несколько минут назад ты стрелял, рубил, бил, с бешено колотящимся сердцем пытался опередить противника, прицелиться и выстрелить первым. Адреналин бушевал в твоём организме, превращая тебя из мирного обывателя в самую совершенную во Вселенной боевую машину. Но вот прозвучал последний выстрел, чиркнул по бронзовой заклепке последний арбалетный болт, сорвалось с губ последнее ругательство – и наступила тишина. Нет, по-прежнему хлопотал в паровозном котле пар, гудело пламя, грохотали колеса, но все равно наступила тишина. Особенная, внутренняя тишина. Ее слышат только вышедшие из боя. Победители. Уцелевшие. Те, кому повезло.

Клим сидел прямо на грязном полу, тупо глядя перед собой. Цендорж, оттащив убитого афганца в угол, принялся помогать машинисту, но лопатой монгол орудовал неумело и вяло. Второй кочегар, лежавший тут же, время от времени, постанывая, отпивал глоток воды из носика кувшина, подвешенного к потолку кабины.

На душе у Клима было пусто. Мысли ползли медленно, словно старинные пузатые корабли, какие-нибудь величественные и надменные броненосцы времен Цусимы. И ясно, отчетливо стоял перед глазами человек, подавший сигнал к атаке. Кто он? Почему где-то глубоко в подсознании у Клима зиждется твердая уверенность – он знает этого предводителя прыгунных всадников. Знает, но никак не может вспомнить.

Потом ему вдруг стало страшно. Нет, не за свою жизнь, жизнь Клима Елисеева, человека свободного и одинокого, а за жизнь мужа и будущего отца Клима Елисеева. Что стало бы с его семьей, если сегодня чей-нибудь остро отточенный арбалетный болт пробил бы ему горло? И что ожидало бы колонистов, всех людей на планете, если бы он погиб и, следовательно, не сумел бы осуществить порученное ему дело? Впервые ощутив такой страх, Клим мгновенно покрылся холодным потом и почувствовал озноб несмотря на то, что в кабине стояла удушливая жара.

–Клим-сечен! Мертвых смотреть надо! – Цендорж, откинув лопату, шагнул к Елисееву, присел рядом на корточки.

–А? Что ты сказал? Да, да, конечно...

Поднявшись на ноги, Клим следом за монголом пошел на тендер. Кучи серого сланца были утыканы болтами так, что казалось, будто бы из груд камня выросли удивительные и одновременно пугающие бронзовые растения, по воле ветра нагнувшиеся в одну сторону.

Трое убитых Цендоржем людей лежали в задней части тендера. Перевернув мертвецов на спину, Клим внимательно осмотрел их, обшарил одежду, проверил оружие. Одурение, охватившее его, мало-помалу отступало, надо было жить дальше. Самым важным на данный момент был вопрос: кто эти люди и почему они напали на паровоз? Одежда и вещи убитых ответа на него не дали. Все было вполне стандартно – кожаные штаны и сапоги, домотканые рубахи. Так одевались практически все на Великой равнине. Оружие тоже оказалось обычным. Ножи из черной бронзы с клеймом Фербиса – такие тут, почитай, у каждого. Арбалеты, хорошие охотничьи арбалеты еще довоенного производства, эту модель выпускал завод Шерхеля. У Клима имелся точно такой же. Наконец, личные вещи: игральные кости, ложки, нитки с иглами, цветные камушки, несколько монет – сычевские «чекан-

ные» талеры. Стандартный мужской набор. Такое может носить с собой и охотник, и пастух, и фермер.

– Скидывать? – видя, что Клим застыл, отложив содержимое карманов всадников, спросил Цендорж.

– Погоди! – неясное предположение заставило Елисеева подойти к одному из мертвецов. Он подсунил лезвие ножа под ворот и вспорол окровавленную рубаху от шеи до пояса. На оголенной груди убитого отчетливо темнела четкая татуировка – изогнувшись кольцом, чешуйчатая змея кусает собственный хвост. Стало понятно, что за кольцо было на груди первого застреленного Климом врага. Быстро разрезав одежду на двух оставшихся трупах, Клим отбросил нож и удивленно присвистнул – получалось, что все всадники носили один и тот же знак. Змеевники. Снейкеры.

– Вот, значит, как. Выходит, бабки-то не сплетничали, – вслух произнес Елисеев и кивнул Цендоржу – можно.

Монгол споро перекинул тела через борт тендера, пробормотал сквозь зубы короткую эпитафию и принялся собирать засевшие в сланце болты – запас карман не тянет.

Вернувшись в кабину, Клим поменял кочегару повязку. Рана сильно кровоточила, пришлось перевязать пробитое плечо натуго. Афганец сквозь зубы плевался и бил ногами. Машинист держал его и нашептывал в волосатое ухо:

– Терпи, браток. Терпи...

Эос вызолотила степь, готовясь кануть за северный окоем. Перекусив и выпив по глотку самодельной водки из походной фляжки Елисеева, распределили вахты у топки. Первым выпало стоять Цендоржу, в полночь его должен был сменить Клим, а за два часа до рассвета «на лопату» вставал машинист. Если в пути их не ждут новые сюрпризы, то утром «Иблис» достигнет крайней точки Западной магистрали...

* * *

Из дневника Клим Елисеева:

Паровоз пришлось бросить. Загорелые дочерна белозубые меднодорожники Западного участка порадовали нас известием, что до «золотой плиты» осталось не больше десяти километров. Двое гостей-восточников подтвердили – их строительно-монтажный поезд уже совсем близко. Они подробно растолковали нам приметы, по которым мы гарантированно не промахнулись бы и не убрели в степь. Оставив «Иблис», машиниста и раненого кочегара на попечение начальника Западного участка Джеймса Томпсона, мы с Цендоржем поспешили на восток. Перед уходом я сообщил Томпсону о грядущей эпидемии. Он испугался. Крепкий, не старый еще мужчина с обветренным лицом побледнел и схватил меня за рукав.

– Господин уполномоченный, прошу вас! У меня пятеро ребятишек. Они с женой и моей сестрой живут на ферме, в сорока километрах от Фербиса к югу. Ферма называется «Верхняя губа». Есть еще «Нижняя губа», но это не наша. Если вы добудете вакцину, пожалуйста, умоляю, обратите внимание на мою семью. Ведь может случиться, что лекарства на всех не хватит... Там дети, понимаете? И я... Я их очень люблю. Господин уполномоченный!

Я бы мог сказать этому человеку, что правила будут общими для всех, что вакцину получают либо все, либо никто, что я не имею права делать исключения... Но я лишь молча пожал ему руку, и мы с Цендоржем покинули Западный участок. Пройдя с полкилометра по ровной, как стол, степи, я обернулся. Сгрудившись у путеукладчика, меднодорожники смотрели нам вслед.

По моим прикидкам весь наш путь должен бы занять два с половиной часа. Погода и характер местности благоприятствовали нам. На небе появились легкие облачка и закрыли светлый лик Зоряной звезды, как обычно именовали Эос в восточных краях. Двигаясь вдоль

гряды холмов, поросших купами деревьев, мы ходко двигались к цели. Легкий ветер гнал рябь по густому разнотравью. Цендорж по обыкновению напевал себе под нос протяжные монгольские песни. Впрочем, может статься, это была одна бесконечная, как степь, песнь, не имеющая ни начала, ни конца.

Меня же вновь посетили мысли о моих товарищах. Почему Акка, Шерхель, Прохор Лапин, а вместе с ними еще несколько сотен колонистов, отказались от возможности не просто стать гражданами нового государства, но и, говоря канцелярским языком, сделать карьеру в правительстве? Что заставило их довольно резко отказать Лускусу? Впрочем, резко – это только Шерхель. Он попросту послал одноглазого куда подальше, как только узнал, что произошло.

А дело было так: когда Лускус собрал вместе всех лидеров противоборствующих сторон, попросту поручив своим стэлменам похитить их, он поставил условие – или они договариваются о примирении и создании Временного правительства, или вообще никогда не покинут укромной горной долины где-то в отрогах Экваториального хребта. Переговоры продолжались трое суток. В итоге компромисс был достигнут. Сыч добровольно сложил с себя полномочия императора, взамен выторговав в собственность всю промышленность Фербиса. Главы национальных диаспор согласились войти во Временное правительство при условии, что в будущем парламенте Медеи будут представители всех национальностей. Акка и Лапин поставили свои условия: будущее государство должно быть федеративным и не иметь армии. «В нашем случае военные – вечная угроза», – сказала тогда Акка.

Казалось бы, после подписания Большого договора, покончившего с войной, перед всеми открывались великолепные перспективы. Но тут спасенный из смертоносных объятий Жорного леса Шерхель заявил, что он видел будущую федерацию в гробу, причем в соответствующей обуви. Лускус попытался урезонить немца по-приятельски и был послан, причем Зигфрид обнаружил неплохое знание разговорного русского языка. Взбеленившийся одноглазый хотел уже отдать приказ арестовать Шерхеля, но тут выяснилось, что исчезла Акка. Пропала, растворилась в каменном хаосе окрестных гор, оставив с носом славящихся наблюдательностью и осторожностью стэлменов. Впоследствии выяснилось, что и ее гвардия, батальон «Сокол», тот самый, который спас меня и разгромил банду Каракурта, последовал за своим командиром. Ну и, наконец, Лапин, которого Лускус прочил на пост министра Внутренних дел, высказался в том смысле, что ему надоело быть начальником. Прохор вернулся за Лимес, где уже сидел на заводских руинах Шерхель, а следом за своим вожаком через горы и степи двинулись и сибиряки-беловодцы. Сейчас население Лимеса составляло приблизительно четыре тысячи человек, но Лускус говорил, что люди идут и идут к Лапину. Он принимает всех – земли хватает.

– Если так пойдет дальше, они вместе с этим психованным немцем создадут там аналог Горной республики.

По тону одноглазого я понял, что ему это не по вкусу. А он между тем продолжал:

– Нам нужна интеграция, единство, если угодно. А Шерхель и Лапин становятся дестабилизирующим фактором, альтернативой. И если к ним присоединится домина Анна, то все, пиши пропало...

– Почему? – удивился я. – Ну, захотели люди жить по-своему. Живут же общинники на озере Скорби, живет, и процветает, между прочим, Горная республика. Будет еще одно образование – Лимес.

– Мне сейчас некогда объяснять, браток, – грустно сказал тогда Лускус. – Но ты помысли на досуге, и наверняка поймешь, что материалист и идеалист никогда не уживутся в одной лодке. В конечном итоге один утопит другого...

И вот я шагаю по Великой равнине, топчу степные травы, слышу стрекот множества насекомых, крики птиц в небе, но на душе у меня беспокойно. То, чем я в настоящее время

занят, досугом ну никак не назовешь, однако именно сейчас я решил распутать клубок противоречий и загадок.

Что предложил Лускус взамен нашей ориентированной на выживание колонии за Лимесом? Да примерно то же самое, что и Сыч – нормальное государство со всеми его атрибутами, включая деньги и собственность. Фактически мы проиграли войну. Не вчистую, не разгромленными на поле боя, но проиграли. Это раз.

Государство неизбежно имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Социальное неравенство или, говоря по-простому, власть богатых над бедными – это еще не самое страшное. Политика, интриги, коррупция, преступность... Это два.

И третье: я уверен, что и Зигфрид, и Лапин, и Акка во времена, когда мы вместе со всеми остальными колонистами боролись за жизнь после катастрофы, были счастливы. Да, черт возьми, именно счастливы! Они нашли себя, свое место в жизни, место, на котором они были востребованы и незаменимы. Да, это была колоссальная ответственность. Риск, смертельная схватка с неизвестностью, игра по чужим правилам, ставка в которой – полмиллиона жизней. Однако они не побоялись сыграть, и выиграли. Наверное, тот тип социальной и экономической организации, который был у нас до войны, едва ли можно назвать комфортным, но он идеально подходил для начального периода. Прошло время, будущее перестало быть пугающим, наступила некая стабильность, да еще и разрешилась вечная дилемма – стоит или нет ждать помощи с Земли? Пусть разрешилась она в пользу «не ждать», но ужасный конец, как известно, лучше, чем ужас без конца. И люди захотели другой жизни, не в обнимку с арбалетом, не под постоянным окриком бригадира или десятника. Людей можно понять. Точнее, я их понимаю. А вот Акка не смогла – или не захотела? Шерхель же, привыкнув к тому, что был безраздельным хозяином над всей промышленностью Лимеса, просто не пожелал стать в Фербисе вторым номером. Лапину, «беловодцу со стажем», вообще претила мысль жить в обществе, из которого он и его единомышленники пытались бежать еще на Земле, создав собственное государство, которое, наверное, можно было бы назвать архаично-анархистским. За это, собственно говоря, беловодцев и сослали на Медею. Гримаса судьбы – в конечном итоге они оказались у разбитого корыта и вынуждены были снова бежать.

Я не знаю, так ли обстоят дела на самом деле. Все вышеизложенное – лишь мои домыслы. Однако другой версии у меня нет. Надеюсь, что послезавтра мы будем на Лимесе. Самое малое через час впереди, в желтоватой дымке, должна показаться горбатая стрела путеукладчика Восточного строительного-монтажного поезда.

Надеюсь, что смогу поговорить с Шерхелем. Тогда, после подписания Большого договора, мы расстались, едва не набив друг другу физиономии.

– Твои знания и умения нужны людям! – убеждал я Зигфрида.

– Этим людям... – последовал брезгливый кивок в сторону свободников, – вполне достаточно желтомазого китайца. За его счет они набьют кошель под завязку.

– Да ты просто медноголовый болван! – вспыхнул я.

Немец, брызгая слюной, обозвал меня безмозглым ослом, который не видит дальше собственного носа. Я в ответ сравнил его с легендарной собакой, которая сидит на сене, сама не ест и другим не дает.

Шерхель кинулся в драку. Нас растащили стэлмены.

– Жалею, что когда-то считал тебя умным. И другом! – крикнул мне Зигфрид. Я в ответ обматерил его и ушел. Теперь мне предстояло не просто поговорить с ним, но и сделать так, чтобы Шерхель помог мне. Причем выбора у меня не было...

Одно хорошо – я уверен, что Прохор Лапин не откажет в помощи. В конце концов, если начнется эпидемия, она рано или поздно придет в каждый дом.

* * *

– Вам все понятно? – Клим смотрел на сгрудившихся вокруг него рабочих. Те, опустив головы, вздыхали, переговаривались, разводили руками. Наконец, начальник Восточного участка магистрали Ерофей Бортников ответил:

– Паровоз мы вам дадим. Сами постарайтесь закончить дорогу как можно скорее. Но...

– Что «но»?

– Может быть, все это... Эпидемия, «пятнуха»... Ну, преувеличено? Может, обойдется?

– Нет, Ерофей. – Клим и Цендорж двинулись вдоль путей, рабочие пошли за ними. На ходу Елисеев продолжил говорить, подтверждая свои слова резкими жестами:

– Возможно, в Горной республике люди уже умирают. Потом «пятнуха» перекинется на другие территории. Это страшнее, чем нашествие хрустальных червей. Нас спасет только вакцина. И, простите за пафос, самоотверженный труд каждого. Так что, мужики, давайте. От вас зависит, как быстро мы перебросим медикаменты на запад.

Бортников снова вздохнул, левой рукой вцепился в бороду, правой махнул машинисту, топтавшемуся у закопченного трудяги-паровоза:

– Савва, разводи пары! Доставишь с ветерком, понял?

– Угу, – заросший до самых глаз черной, в кольцах, бородищей Савва, больше похожий на главаря разбойничьей шайки, чем на меднодорожника, кивнул и полез в кабину. Через несколько секунд паровоз застонал, окутался паром и придушенно засвистел.

– С Богом! – Ерофей перекрестил Клим и Цендоржа. Поднявшись следом за машинистом наверх, они сели на отполированную скамью. Кочегар, покосившись на неожиданных пассажиров, нажал босой ногой педаль и бросил в топку дробленый сланец. Щелкнули центровки. Гулко ударили шатуны, провернулись колеса, и мимо узкого окна поплыли штабеля меднодорожных плит, горы щебня, дымящая труба крана, жилые вагончики и лица рабочих. Некоторые из них подняли руки, провожая незваных гостей, оказавшихся горевестниками.

Клим, привалившись к подрагивающей переборке кабины, задремал, но и во сне его не оставляли мысли о грядущем бедствии. Горная республика... Он никогда там не был, но судя по рассказам, место это было непростое.

* * *

Из дневника Клим Елисеева:

Горная республика – удивительное место. Точнее, даже не так: Горная республика – удивительная страна. Самое необычное государство, которое я знаю. Первоначально фримены старика Мак-Дауна, покинув место катастрофы посадочного модуля эвакотранспорта «Русь», поселились в живописной долине меж отрогов Экваториального хребта, называемой сегодня Верхней. Мягкий климат, отсутствие хищников, большое количество пахотной земли, альпийские луга, горные леса – настоящая идиллия. Первые желающие потянулись к ним сразу после нашествия хрустальных червей, и до начала войны в Горную республику переселилось не менее сорока тысяч человек. Там принимают всех, кто разделяет их убеждения и готов жить по принципу: «Способности каждого – для общего блага».

Фримены отвергли технологический путь развития. Самые сложные механизмы, используемые ими, – мельница и ткацкий станок. Жители Горной республики сеют местные злаки, в основном полосатку, из волокон которой изготавливаются прочные ткани, возделывают террасные огороды на склонах гор, разводят прыгунов. Каким-то образом они умудрились приручить пугливых альб и туповатых ногоедов. С увеличением населения люди

освоили соседние с Верхней долиной земли. Городов в Горной республике нет вовсе, зато имеется масса небольших деревушек, поселков и хуторов на одну-две семьи. Основная статья экономики, конечно же, сельское хозяйство. Мне рассказывали, что в Горной республике каждые полгода проводят праздник урожая, настоящий, общегосударственный, если можно так выразиться, праздник, с карнавалом, награждением особо отличившихся пастухов или косарей, шумными пирушками и состязаниями по бросанию камней в небо. Этот странный вид спорта появился тут, на Медее. На вершине высокой, в двадцать-тридцать, а то и сорок метров, скалы вешается один или несколько медных гонгов. У подножия собираются участники. Специально назначенный судья отбирает метательные камни, следя за тем, чтобы они были примерно одного веса и размера. Потом начинается само состязание. Атлеты по очереди бросают камни, стараясь не просто докинуть до гонгов, но и попасть в один из них. Засчитывается лишь тот бросок, который сопровождался звоном гонга. Постепенно из соревнований выбывают те, кто не смог бросить свой камень на надлежащую высоту и с нужной точностью. Когда в игре остаются сильнейшие, гонги вешают выше, а для бросков подбирают более тяжелые камни. В конце концов остается один самый высоко и точно кидающий атлет, который объявляется победителем и получает чудной титул «Добросившего до Земли». Кстати говоря, я слышал, что этот вид спорта оказался по вкусу жителям Великой равнины, которые, за отсутствием скал, подвешивают гонги или барабаны из шкуры аллимота на треногих вышках.

Политическое устройство республики – самое примитивное. Территориально она разбита на двадцать семь ареалов. Страной управляет Совет старейшин, в который избираются самые уважаемые и опытные люди от каждого ареала. Избирательное право имеет каждый житель Горной республики начиная с четырнадцати лет. Совет старейшин под председательством Главы на своем заседании выдвигает людей в правительство, но это совсем не такое правительство, к которому мы все привыкли. Министерства республики выполняют роль консультативного органа, а все решения принимает все тот же Совет старейшин. Исключение составляет премьер-министр, который входит в Совет и имеет право голоса наряду с избранными старейшинами. В настоящее время пост премьер-министра занимает внучка главы Совета Мерлина Мак-Даун, в прошлом известная как глава боевого крыла фрименов «Леди Омикрон».

Горная республика здорово выручила нас, когда войска свободников шли штурмовать Лимес. Там приняли беженцев, поселив их в Нижнем Загорье, разрешили проход через свои земли для нашей армии и согласились предоставить нам право хранить на территории республики промышленное оборудование и вооружение, вывезенные с плоскогорья.

После окончания войны многие колонисты, в основном те, кто по крови не входил в основные этнические диаспоры, не захотели покидать свой новый дом. Таким образом население Горной республики выросло до восьмидесяти тысяч. И вот теперь всем этим людям грозит мучительная смерть от неведомого заболевания, и жизни их зависят от того, насколько быстро Лускус сможет перебросить вакцину для прививок через пустыни и горные перевалы.

* * *

Эос едва поднялась над Обрывом, когда паровоз подошел к Лимесу.

Лимес. Когда-то с легкой руки покойного Желтовского так прозвали тот рубеж, на котором колонисты отражали атаки хрустальных червей. Теперь это название закрепилось за всем плоскогорьем, на которое три с лишним года назад рухнул Большой посадочный модуль эвакуационного транспорта «Русь».

Клим с некоторым волнением смотрел на тускло блестящую под лучами Зорной звезды стену, сложенную из медных блоков. Она сильно отличалась от той, первой, восьмиметровой стены, которую воздвигли для защиты от хрустальных червей. Теперь проход между скалами перегораживал настоящий шедевр фортификационного искусства, с бойницами, амбразурами для стрельбы, с предвратными укреплениями. По сторонам от стены гордо высились так и не взятые врагом Северная и Южная башни. На вершине Северной поблескивали зеркала гелиографа, а Южную венчал тонкий шпиль с трепещущим на ветру флагом – зубчатая золотая стена на красном поле.

«Похоже, Шерхель обзавелся собственным гербом», – усмехнулся Клим. Впрочем, усмешка сползла с его лица, когда он обратил внимание, что проломы в Северной башне тщательно заделаны, а в воротах Лимеса стоит хорошо вооруженная стража.

Поселок, раскинувшийся перед стеной, на месте капониров, редутов и линий траншей, назывался просто и незатейливо – Посад. Он представлял собой огромное торжище. Здесь сходились воедино множество дорог, берущих начало в затерянных на Великой равнине поселениях. Сюда стекались караваны с мясом, шкурами, плодами, медом земляных пчел, на самом деле не имевших ничего общего с настоящими пчелами, и кипами теребленой полосатки, из которой делали ткани и веревки. От южных гор, с озера Скорби, прибывали телеги, груженные рудой, содержащей редкие металлы; с побережья шли повозки с вяленой рыбой, раковинами, сушеной морской травой и солью. Бесконечные склады, амбары, лавки, трактиры, конюшни для прыгунов, загоны для альб и овец – Посад, основанный буквально несколько месяцев назад, похоже, стал одним из главных торговых центров Медеи. Клим про себя отметил, что Шерхель не стал размещать торжище внутри Лимеса, и это стало еще одной каплей, упавшей в «тревожную чашу».

Перед Посадом меднодорожный путь сворачивал влево, к пакгаузам и паровозным депо. Бородатый Савва остановил паровоз, Клим и Цендорж попрощались и спрыгнули на насыпь.

Стараясь не привлекать к себе внимания, они краем поселка, вдоль складов и задних дворов, прошли к скалам и никем не узнанные добрались до ворот. Закованная в броню стража с алебардами дотошно проверяла каждого входящего. Клим вытащил медную пластинку удостоверения, показал молча, глядя в сторону.

Бородатый стражник настороженно посмотрел на странных гостей, хмыкнул и трижды протрубил в подвешенный на цепях огромный рог. Елисеев поморщился – ему очень не хотелось, чтобы жители Лимеса узнали о приезде последнего командующего крепостью до разговора с Шерхелем. Объяснить, почему, Клим мог вряд ли. Но память услужливо вытолкнула откуда-то из глубин:

По несчастью или к счастью истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места...

Из приземистой караулки, грохоча наборным панцирем, выскочил дежурный офицер. Клим пригляделся, устало улыбнулся:

– Ну, здравствуй, Харитон! Я смотрю, ты все в караульных...

– Э-э-э... Господин Елисеев! О, и господин Цендорж! А я гадаю: кто ж к нам пожаловал? Какими судьбами, позвольте спросить? – Харитон Рогожкин, памятный Климу еще по поимке корректировщика свободников, раздвинул густую бороду широкой улыбкой.

– Какими судьбами – этого я тебе, друг любезный, сказать не могу. Мне нужно срочно повидать Шерхеля и Лапина. Дело важное и спешное, поэтому дай-ка нам провожатого, чтобы мы не плутали.

– Не, так не пойдет, – сразу насупился Харитон и зачем-то положил руку на обух заткнутого за пояс топора. – Я тут для того и поставлен, чтобы герра Шерхеля и господина Лапина никто по пустякам не беспокоил...

– По пустякам?! – мгновенно вскипел Клим. – Я уполномоченный Государственного канцлера! Понимаешь ты, орысина? Да я тебя...

И Клим витиевато выругался. С десяток стражников, собравшихся вокруг, мгновенно выстроились полумесяцем, опустив алебарды. Поодаль собралась приличная толпа любопытных. Дело принимало скверный оборот.

– Ты, Клим Олегыч, зря кипятишься, – примирительным тоном сказал Рогожкин. – Порядок, он ведь сам по себе не складывается, его поддерживать надо. Доложись по чести, тогда уж...

– Смерть идет, – вдруг заговорил Цендорж, глядя поверх шлемов на стену Лимеса. – Всех с собой возьмет. Никого не останется. Дай пройти. Помощь нужна.

Харитон охнул, стражники тревожно переглянулись, а Клим изумленно уставился на своего спутника – слова обычно молчаливого монгола, сказанные с какой-то особой, пронзительной интонацией, задели за живое.

«Ведь и в самом деле никого не останется, – подумал Клим. – Чего я тут выступаю. Этот бородатый Харитон всего лишь выполняет приказ своего начальства и хорошо, что выполняет».

Рогожкин тем временем уже что-то быстро говорил молодому парнишке-посыльному с сумкой на боку. Получив указание, тот выпучил глаза, повернулся на каблуках и умчался в караулку.

– Счас доложим, ответ получим – и все в порядке будет, – скороговоркой забормотал Харитон, со страхом заглядывая Климу в глаза. – А позволь спросить, Клим Олегыч, что за напасть-то? Нам ваши канцлеры, извини, до фени, но если беда настоящая...

– Настоящая, Харитон. И именно что беда, – ответил Клим. Таиться смысла больше не имело, первоначальный план рухнул. Пришлось действовать по наитию. Вскочив на передок чьей-то телеги, Елисеев мрачно оглядел толпу, стражников, шумное торжище за их спинами и начал говорить...

* * *

За стеной Лимеса произошли не менее разительные перемены, чем перед воротами. Клим и Цендорж покидали эти места, оставив после себя только руины разрушенных взрывами построек. Конечно, Шерхелю не удалось восстановить все. Дом Совета так и торчал в небо вроде огромного зуба, изглоданного кариесом, на месте госпиталя громоздились груды земли и медных блоков; зияли воронки, оставленные ракетами свободников на пространстве от ворот до завода. Но Елисеев сразу отметил: школа отстроена заново, приведены в порядок дороги, и самое главное – вновь поднялись крыши заводских цехов и густо дымят над ними новенькие трубы.

Харитон Рогожкин, отряженный провожать такую важную персону, как уполномоченный Государственного канцлера, тыча корявым пальцем, пояснял:

– Литейни поставили первым делом. Потом кузнечный цех, слесарку. Сборочный вот сегодня пускаем. Скобяной товарец производить стали – жить-то надо. Поселок от войны не пострадал – заводские там поселились, а мы ближе к лесу. Отсюда не видно, а там у нас с десяток деревень. Избы из дерева строим, как положено, чтоб дышалось легко. А то в этих медных коробах жить – ревматизм один и астма...

Клим усмехнулся – в жарком и сухом климате Медеи ревматизм был в списке экзотических заболеваний, да и случаев астмы он тоже не припоминал. Следом за Рогожкиным

они отмахали уже не меньше двух километров, миновав дорогу, ведущую к Дому Совета, поселку и школе. Елисеев никак не мог взять в толк, куда они направляются.

–Мы ить как – сами по себе, – увлекшись, продолжал Харитон, поправляя съезжающий с объемистого пуза пояс с топором. – Заводским, конечно, помогаем. Дрова, лес строевой, сланец, руда – все на нас. Поэтому и прибыток пополам идет. Мы как две руки. Каждая свое дело знает, каждая на благо организма трудится.

Снова усмехнувшись – надо же, «благо организма!» – Клим перебил словоохотливого сибиряка:

–Ты куда ведешь-то нас?

–Дык на завод! Я ж говорил – сборочный сегодня пускаем. Все там и есть. И герр Шерхель, и Прохор, и остальные.

Пройдя под уцелевшей еще с довоенных времен аркой ворот, Клим с некоторым волнением ступил на заводскую территорию. Цендорж, шагавший следом, тоже посерьезнел, перестав вертеть коротко стриженной головой.

С тех пор как они впервые оказались здесь, вернувшись после экспедиции на «Кондоре», завод Шерхеля сильно изменился. Конечно, после разрушений, нанесенных войной, а точнее – самим основателем, ибо именно Зигфрид и подрывал свое детище во время прорыва свободников за Лимес, многие постройки еще лежали в руинах. Но все равно у любого, попавшего суда, возникало ощущение подавляющей мощи, незыблемой силы могучих медно-паровых богов, сотворенных умелыми человеческими руками.

Высились стены и трубы, больше похожие на башни, змеились кольчатые паропроводы. Дыша гарью, вздыхали топки. Вертелись под навесами огромные колеса, приводящие в движение валы, исчезающие в дымных безднах цехов. Дрожали на фермах высоких крыш отблески пламени. Лязг, гул и рокот давили на уши, едкий чад забивал нос, в горле першило. Проходя между застывших на путях составов с рудой, Клим глянул туда, где до войны располагался химический корпус, но сквозь белесую завесу пара разглядел только исполинские своды, под которыми ворочалось в клубах дыма что-то огромное, тяжелое, с выпирающим горбом.

«Не удивлюсь, если Шерхель создает тут какого-нибудь нового монстра, родственничка приснопамятного «Малыша Вилли». Что-нибудь эдакое... Шагающее, стреляющее и с огнеметом», – подумал Клим. Ему вдруг стало весело. Завод, практически восстановленный немцем, чего и говорить – вселял. Вселял много чего, но в первую очередь уверенность в человеческих силах и разуме. Затея с добычей вакцины из Второго малого модуля уже не казалась Климу бредовой и авантюрной. «Не может быть, чтобы Шерхель и его молодцы ничего не придумали. Главное – убедить их...» – Клим снова глянул в сторону бывшего химкорпуса, но просвет между вагонетками заслонил маневровый паровозик с блестящим котлом. – Точнее, – закончил свою мысль Елисеев, – мне надо убедить Зигфрида».

И настроение сразу испортилось. Куда-то улетучилась веселость и то, что в ВКС называют «найс-драйв». Предстоящий разговор с упрямым и неуступчивым немцем придавил Клима не хуже плиты меднодорожного пути.

–Вот и пришли! – Харитон Рогожкин указал на толпу арбайтеров и сибиряков-беловодцев, окруживших сводчатый ангар, на новенькой крыше которого ослепительно круглился отраженный лик Зоряной звезды. – Наш сборочный. Вам туда. Ну, все, прощайте. Мне на пост. Авось еще свидимся...

И он, потряхивая топорщащимся на животе панцирем, мелкой рысью побежал в сторону ворот, но метров через двадцать перешел на шаг, устало обмахиваясь снятым с головы шлемом.

–Вояка, – Клим хмыкнул. Цендорж, тоже глядевший вслед Рогожкину, выдал короткую фразу, как всегда, годную в афоризмы:

–Кто много ест – мало живет. Плохо!

Подходя к толпе рабочих, Елисеев увидел Шерхеля – немец торчал над собравшимися, стоя на каком-то возвышении, и яростно жестикулируя, что-то говорил – слова тонули в заводском гуле. Клина поразила перемена, произошедшая с немцем, – Зигфрид словно стал выше ростом, оброс рыжей бородой, глаза горели. Самое удивительное – Шерхель тоже заметил их с Цендоржем, и красное лицо его исказила недовольная гримаса. Он бросил в толпу короткую, как удар бича, фразу, спустился и указал кому-то на Клима. Люди начали оглядываться, пытаясь понять, что случилось. Прямо перед Елисеевым возник молодой парень со знакомым лицом и тоном, не терпящим возражений, произнес:

–Господа, герр Шерхель приказал проводить вас в его кабинет. Идемте!

«Зигфрид не хочет, чтобы мы видели его хозяйство!» – догадался Клим.

–Идемте же! – нетерпеливо повторил парень. Елисеев вспомнил его – Рихард, один из помощников Шерхеля. Полгода назад он был совсем мальчишкой.

Заводоуправление располагалось в кое-как отстроенном здании бывшей службы безопасности. Здесь же, судя по всему, находилось и конструкторское бюро. Следом за Рихардом Клим и Цендорж прошли через несколько комнат и у высокой бронзовой двери встретили Франческу Кьянцы, которая уже несколько лет как стала фрау Шерхель. Франческа недавно родила второго ребенка и довольно сильно располнела. Она обрадовалась, смешно сморщив круглое лицо:

–Клим! Цендорж! Как я рада! Откуда вы?

Елисеев не стал пугать ее тревожными новостями – если Зигфрид захочет, он сам расскажет жене обо всем. Поэтому разговор пошел все больше о старых знакомых – кто, где, как устроился. Цендорж все озирался, надеясь увидеть секретаря Шерхеля белокурую Гретхен, во время оно охотно дарившую монголу свою пышнотельную любовь, но ее нигде не было.

Разговор с Франческой как-то сам собой свернул на семейные проблемы. Порадовавшись за Медею и Клима, фрау Шерхель вздохнула:

–Твоя жена тоже бедняжка, Клим. Сидит дома одна, а муж пропадает за тысячи километров... Нет-нет, я понимаю, что у тебя важное дело, иначе бы ты ее не оставил, но все же нам, женщинам, так тяжело, когда рядом нет любимого человека...

Она помолчала, опустила глаза и тихо добавила:

–Зиг так изменился после того... после Жорного леса. Он и раньше был весь – работа, работа. Помнишь: «Твоя старость спросит – где была твоя молодость»? А теперь стал совсем одержимым. Живет на заводе. Я его совсем не вижу.

Рихард, переминающийся в сторонке, кашлянул и вмешался в разговор:

–Господа, герр Шерхель велел ждать его в кабинете. Прошу!

Франческа развела руками, грустно улыбнулась:

–Не буду вас задерживать, Клим. Надеюсь, еще увидимся. Мне пора...

Отворив дверь, Рихард впустил гостей в резиденцию Зигфрида Шерхеля, после чего четко повернулся и вышел. Клим уселся в легкое плетеное кресло, закинул ногу на ногу. Цендорж опустился у двери на корточки и по обыкновению затянул вполголоса заунывную степную песню.

Кабинет выглядел вполне под стать своему хозяину – чертежи, бумаги, макеты и модели техники, все больше локомотивы и паровозы, объемистая чернильница, десяток испачканных перьев. В глаза бросились несколько арбалетов незнакомой конструкции, висевших на крюках, и самые настоящие механические часы, большие, с инкрустированным камнем циферблатом и черными стрелками. До этого Елисеев встречал на Медее только солнечные часы и клепсидры.

На краю стола Клим увидел перегнутый пополам лист с колонками текста. Приглядевшись, он с изумлением понял, что это – газета. В нем немедленно проснулся профессиональный интерес, и взяв в руки шуршащий лист, Клим развернул его и прочел вслух:

– «Вестник Лимеса», номер девятнадцать. Ничего себе, а, Цендорж?

Монгол, не открывая глаз и не переставая петь, кивнул – мол, все слышу, со всем согласен.

Повертев газету в руках, Клим углубился в чтение передовицы, озаглавленной более чем с претензией: «Наше болото и как нам из него выбраться».

«Болото. Мы погружаемся в темное и гнилое болото, из которого невозможно выбраться. Вязкая топь засасывает нас. Наши руки и ноги опутаны липкими травами, темная вода давит на грудь, мешая дышать. Воздух отравлен зловонием, пелена страха застит глаза. Нужно принять правильное решение, которое поможет спастись. Но тот самый страх, всеобъемлющий, парализующий страх забивает все мысли, превращая нас в паяцев, дергающихся в болотных путах. И чем больше мы барахтаемся, чем больше рвемся к далекому берегу, тем глубже погружаемся в трясину», – прочел Клим и хмыкнул – однако!

«Нужно остановиться. Нужно успокоиться и принять решение. Но для этого необходимо хоть на миг отвлечься от действительности, от этого болота, от страха и отчаяния, владеющего всеми нами. В старину людям, впавшим в истерику, давали пощечину. Звонкую, отрезвляющую пощечину, от которой дергалась голова и вспыхивала щека. Нам нужна вот такая вот пощечина. Иначе – конец.

Конечно, и болото, и страх существуют только в нашем коллективном подсознании. Однако они есть. Я вижу, как мы, все мы, колонисты, превращаемся в дикарей. Эта дикость, варварство связаны не с техническими ограничениями, наложенными на нас неизвестным экспериментатором. Напротив, тут мы как раз сумели выжать максимум из того, что имеем. Паровые машины, ракеты, металлургия – мы завоевываем Медею и по уровню технического развития не уступаем нашим предкам из середины девятнадцатого века, а по некоторым направлениям и превосходим их, все же в нашем распоряжении знания и навыки людей, покоривших пространство и подчинивших себе глубины микромира.

И тем не менее я наблюдаю всеобщую деградацию. Мало того – я чувствую, что и сам деградирую. Не физически – духовно. Это походит на «новое средневековье», которое наступило после Великого века. Глобализация, попытка создать потребительский рай на земле, унифицировать всех и вся привели к тому, что Землю захлестнула волна локальных кровавых усобиц. Из потаенных уголков на свет вылезли ложные учения и псевдонаучные теории, изуверские секты множили свои ряды на всех континентах, а отдельные подвижники, пытающиеся воззвать к разуму одуревших, без тени сомнения объявлялись безумцами».

– Ни хрена себе! – снова вслух высказался Клим и посмотрел на подпись, уже зная, чью фамилию там увидит. Догадка оказалась верной – автором статьи значился «З. Шерхель».

– Вот, значит, как... – пробормотал Клим и вернулся к статье.

«Я не жил в ту пору. Первая половина двадцать первого века для меня – темная полоса истории. Она гораздо темнее, чем Великий век, освещенный не только заревом пожаров тотальных войн, но и светом великих открытий и достижений. Что характерно – в «новом средневековье» научно-технический прогресс не останавливался, но все новое, что возникало тогда, тут же ставилось на службу узколобой морали, царившей повсюду. Из тех времен до нас дошел странный термин «консюмеризм», хотя господин Лапин утверждает, что более тут подходит русское слово *potrebliatstvo*. Так в искаженной форме мыслящие люди той эпохи именовали феномен торжества общества потребления, которое и вызвало к жизни «новое средневековье». Потребитель сер, туп и эгоистичен. Он не желает ограничивать себя ни в чем. Он жрет, пьет, развлекается до тех пор, пока не умрет. Больше ему ничего не надо. Он подобен человекообразному трепангу, движущейся кишке, пожирающей, потребляющей

все, что попадется на пути. Ему нет нужды мыслить. Его мозг атрофируется. Из всего многообразия созданного человечеством за тысячелетия своего развития он отфильтровывает только то, что развлекает и ублажает его. «Новое средневековье» стало эпохой торжества индустрии развлечений, причем самого низменного пошиба. Это коснулось всего – театра, литературы, музыки, живописи, кинематографа, глобальной информационной сети.

И именно консюмеризм привел к тем ужасным катаклизмам середины XXI века, к той кровавой каше, которая поставила нашу цивилизацию перед выбором: жить или умереть. Тогда люди сделали свой выбор, и история двинулась вперед, оставив позади период регресса. Но это была Земля, и это были миллиарды и миллиарды, это были народы и государства. А что можем противопоставить надвигающейся катастрофе мы, колонисты Медеи? Нас меньше миллиона, все еще меньше, несмотря на то что бывшие стерильными мужчины и женщины вдруг, по воле рока или неизвестного экспериментатора, получили возможность продолжить свой род и незамедлительно воспользовались этой возможностью.

Пока шла война со свободниками, пока все колонисты были разделены линией фронта, разбиты на два лагеря, никто не замечал угрозы. Но вот война закончилась. И тут же стали видны грозные предвестники грядущей опасности, отвратительные приметы «нового средневековья» по-медейски.

Причем точно так же, как и на Земле в прошлом, у нас основной питательной средой, гумусом консюмеризма стали женщины. Они хотят всего – и сразу. Домов, земли, скота, одежды, украшений, зрелищ и возможности по десять раз на дню встречаться с товарками и обсуждать последние слухи и сплетни. Они не хотят жить на фермах и в небольших поселках, разбросанных по Великой равнине. Они не хотят простой жизни. Им нужен город, большой город, который может удовлетворить их желание потреблять. И такой город у них есть. Там, на гнилом западе, в Фербисе, они создали Лигу женщин Медеи, которая постоянно вмешивается в дела слабого Временного правительства планеты...»

–А вот это уже тянет на пропаганду, причем пропаганду враждебную, дорогой друг Зигфрид, – прокомментировал прочитанное Елисеев, нахмурившись.

«...И конечно, дурную службу нам сослужили деньги. Деньги, появившиеся в так называемой империи самопровозглашенного императора Сычева, разделили колонистов на чистых и нечистых, на агнцев и козлиц. Вслед за деньгами возникла и торговля: ярмарки, магазины, лавки. И это при том, что у нас до сих пор нет нормальных больниц и школ, нет массы вещей, присущих цивилизованному обществу.

Зато уже появилось то, что на Земле называется «паразитарные секторы экономики». Достоверно известно, что при стекольном заводе Фербиса возникла мастерская, в которой налажен выпуск украшений – бус, браслетов, серег и прочей сверкающей ерунды. За месяц, всего лишь за месяц, эта мастерская расширилась и превратилась в настоящую фабрику, размерами, объемом продукции и численностью персонала превысив своего родителя – стекольный завод. Кроме того, в Фербисе существует с десяток фитнес-центров. Очередь в них расписана на год вперед. Там, в душных залах, отделанных с кричащей роскошью, сотни женщин, в основном жены и родственницы чиновников Временного правительства и крупных бизнесменов, ежедневно потеют, сбрасывая лишние килограммы. К слову: на прыгуньей ферме физические нагрузки в разы интенсивнее, но никто из этого «неоматронства» не хочет работать».

–Хм... – Клим отложил газету, посмотрел в распахнутое окно на синие вершины далеких гор. – А Зиг неплохо осведомлен о наших делах. И не скажешь, что врет. Все – правда. Правда, поданная под некоторым углом...

Он пробежал глазами последние абзацы: «Повсюду ширятся ряды гадалок, предсказательниц, всевозможных волшебниц, якобы умеющих слышать «голос планеты». В Горной республике появился какой-то Юный Пророк, пятнадцатилетний сопляк, к которому

явился дух Матушки Марии и просветил его, как нам всем жить дальше. У этого пророка уже несколько тысяч последователей. Он ходит по пустынным землям в районе Лежачих камней и проповедует, а огромная толпа, вместо того чтобы заниматься делом, жадно ловит каждое его слово. С этим еще предстоит разобраться, но власти Горной республики почему-то бездействуют.

Совсем недавно у меня в семье, так же как и в семьях многих из вас, родился ребенок, мальчик. Как всякий нормальный отец, я безмерно счастлив, но в то же время, как всякий нормальный отец, я встревожен. В каком мире будет жить мой сын? Каким он будет, этот мир? Не знаю, но думаю, что не таким, как сейчас. Не таким, потому что я постараюсь изменить его. В будущем не будет места наползающей на нас гнили. Из болота нужно не просто выбраться, его необходимо осушить. Осушить навсегда. Навечно...

И уже прочитанная Климом лаконичная подпись – «З. Шерхель».

Елисеев не успел толком обдумать эту, с позволения сказать, статью, более похожую на манифест, как дверь с треском распахнулась. В кабинет широким шагом вошел сам Зигфрид Шерхель. Клим встал, улыбнулся.

– Рад видеть тебя, Зиг! Я смотрю, ты тут здорово развернулся...

– А вот я не рад тебя видеть! – немедленно отозвался немец, усаживаясь за стол. Часы на стене зазвенели, отбив три дребезжащих удара. – Зачем приехал? Что вам нужно от меня?

– Не от тебя, Зиг. От вас. От всех. Дело скверное. Очень. – И Клим рассказал Шерхелю все, что знал о «пятнухе». Немец слушал и мрачнел с каждой минутой. Когда Елисеев замолчал, Шерхель обеими руками вцепился в рыжую бороду и спросил глухим голосом:

– Ну а каков путь реализации этого проекта? Только не говори, что одноглазый черт ничего не придумал.

– Отчего же, конечно, придумал. – Клим посмотрел немцу в глаза. – Водолазный колокол. Просто и эффективно.

Шерхель сморщился, как будто съел что-то кислое.

– Средневековые уже поглотили вас. Вы даже мыслите историческими категориями. Водолазный колокол! Глупцы! А если медицинские отсеки находятся в глубине модуля? У ныряльщиков не хватит воздуха добраться до них.

– Что же ты предлагаешь? – с ледяным спокойствием спросил Елисеев. «Глупцов» он пропустил мимо ушей.

– Скафандры. Я недавно инспектировал хранилище с невостребованным оборудованием. Двенадцать штатных скафандров в прекрасном состоянии. Если герметично подсоединить к ним шланги для подачи воздуха, проблема решена. Таким образом...

На секунду прервавшись, немец шагнул к столу, подхватил перо, макнул в чернильницу и начал быстро записывать, то и дело бросая на Елисеева быстрые взгляды.

– ...Самой главной проблемой становится воздушный нагнетательный насос. Так же нужно будет продумать систему клапанов для стравливания лишнего воздуха из скафандра. Шланги. Освещение под водой. Хотя это как раз просто – у нас есть запас фальшфейеров. Ну, и выносную стрелу, которая будет опускать водолазов прямо на корпус модуля и поднимать контейнеры с медикаментами. Это... Это... шайсе, это займет никак не меньше пяти дней!

Шерхель не глядя сунул руку за спину и дернул какой-то рычаг. За дверью ударил колокол. На пороге тут же возник невозмутимый Рихард с листом бумаги и пером в руках.

– В семнадцать ноль-ноль – общее совещание. И срочно отправь человека к господину Лапину. Пусть передаст – «огонь на башне». Он знает. Все! – отчеканил немец.

Клим улыбнулся. Таким Шерхель нравился ему куда больше...

* * *

Поздним вечером того же дня, отпустив конструкторов, инженеров и управляющих, озадаченных Шерхелем по полной программе созданием насоса, крана и прочего необходимого для операции по подъему медикаментов, Клим, Цендорж, Прохор Лапин и сам Шерхель задержались в кабинете немца. Рихард принес поднос с бокалами, наполненными темным «ягодным» вином, блюдо с закусками. За окнами полыхал один из тех пугающих медейских закатов, когда половина неба залита жидким огнем, а другая половина тонет в чернильном мраке надвигающейся ночи.

— А если нет там ни хрена? — как в трубу, прогудел устроившийся в глубоком кресле Прохор Лапин. — Может такое быть? Или испортилось все... Времени-то прошло — ого сколько.

— Тогда мы все умрем, — спокойно сказал Клим, глядя в окно. С некоторых пор он предпочитал если не быть, то хотя бы изображать из себя фаталиста.

— Не хотелось бы... — пробормотал Лапин, сторбившись. Стекланный бокал тонул в его громадной ладони.

— Ду гейст мир ауф ди айер! — выругался Шерхель и хватил кулаком по столу. — Завели панихиду! «Мы все умрем». Тьфу! Противно слушать. Человек есть мера всех вещей. Напомнить, кем сказано? А раз мера всех вещей, стало быть, этой мерой и нужно все мерить. И смерть в том числе! Всем ясно?

— Твой энтузиазм бы — да Богу в уши, — усмехнулся Клим. Немец тяжело задышал, выкатив глаза, и разразился бранью:

— Лек мих ам арш! Или будет по-моему — или никак не будет! Я вас не звал! Сами прибежали: «Зигфрид, спаси, Зигфрид, помоги!» Стало быть, не можете без Зигфрида?

— Зигфрид! — укоризненно пробасил Прохор Лапин, но немца было уже не остановить.

— Вакцину поднять — это вам не велорикши конструировать. И не власть делить! В вашем гадючнике специалистов не нашлось — что делать? А-а-а! Есть же Шерхель, старый друг, чудаковатый немчик. Он поможет, он спасет...

— Зигфрид! — снова подал голос Лапин, тяжело взглянув на разошедшегося Шерхеля. Елисеев поморщился, допил терпкое вино и обратился к немцу:

— Зиг, зачем ты себя накручиваешь? Я приехал к тебе потому, что так сложились обстоятельства. От Лимеса до озера Скорби в разы ближе, чем от Фербиса! Тем более что о «пятнухе» мы узнали в Каменном форте. Ты же сам все понимаешь — чего тогда злишься, истерику тут симулируешь?

— Он вам с Лускусом простить не может, что вы Сыча с компанией на рудники не отправили, — простодушно бухнул сибиряк из своего угла. — И Временное правительство это ваше...

— А-а-а! — протянул Клим. — Ну, это другое дело. Завидуешь, что ли, Зиг? Так мы тебя звали. Или ты сразу хотел на место Сыча? В эти, как там у вас это называется... фюреры?

Клим произносил эти слова, уже ругая себя и понимая — сейчас немец взорвется и результатом этого взрыва может стать все, что угодно, вплоть до отказа Шерхеля помочь. Но поделаться с собой Елисеев ничего не мог — он тоже злился на Зигфрида, на его непробиваемое, патентованное упрямство, граничащее с тупостью. Что-то похожее почувствовал и Цендорж. Он все так же сидел на корточках у стены, вот только пулевая винтовка, прислоненная к дверному косяку, неожиданно оказалась на коленях монгола.

Но, вопреки ожиданиям, Шерхель вдруг рассмеялся:

–Шайсэгал! Рыжий фюрер планеты Медея Зигфрид Шерхель! Да, ты разочаровал меня, Клим. Как там говорится по-русски? «Не меряй на свой аршин?» Вот и не меряй. А если серьезно...

Немец сжал кулаки, бросил взгляд за окно на догорающий закат и снова заговорил:

–Пойми, дубина! С того момента, как вы с Лускусом решили строить новый дом на фундаменте, заложенном Сычом, все, что будет происходить на стройплощадке и в будущем доме, нужно рассматривать в свете одной простенькой фразы. Догадываешься, какой? Нет? Все очень просто: «Кому это выгодно?» Да, да, именно так! Вы решились воссоздать на Медее этот трухлявый демократический пень, что отравил своим зловонием Землю. Тебе ли не знать, Клим, что при демократии у власти находятся те, кто богаче, у кого ту же мощна. Вы закончили войну – спасибо! Но вы тут же и заложили основы для новой, вечной войны, войны между богатыми и бедными. Погоди, вот увидишь, еще до этих ваших сво-о-ободных выборов вы почувствуете, что это такое – капитал. А уж потом, когда купленные депутаты выберут в новое, уже не временное, правительство тех, кого нужно Сычу, вы поймете, в какую ловушку загнали не только себя, но и всех колонистов. Поймете – да поздно будет... Сыч и его свора обвели вас вокруг пальца! Он спокойно пересидит нынешний переходный период, а потом покажет себя во всей красе. Он еще президентом станет. Вот увидишь!

–Ты поэтому башни ремонтируешь и новые модели арбалетов разрабатываешь? – в упор спросил Клим.

–Так я тебе и ответил, – хохотнул Шерхель, отхлебнул из бокала, сморщился и уселся на стул у окна.

–Долдон ты, Зиг, – сказал Елисеев. – То ли книг своего земляка Маркса начитался, то ли моча тебе в голову ударила. Нет, инженер и организатор ты классный, никто не спорит. Но в остальном... Такая у тебя в мозгах каша. Может, это Жорный лес так подействовал?

–Что-о?! – взревел Шерхель, вскакивая. – Да если хочешь знать, это из-за вас с этим... – он ткнул пальцем в Цендоржа, – я туда попал! Вы меня бросили тогда, в тумане.

–Ну, знаешь... Ты говори, да не заговаривайся! – Клим тоже поднялся, кровь бросилась ему в лицо. – Если бы не «пятнуха», я бы тебе...

–Что, ну что? – Немец одним прыжком выскочил на середину кабинета. – Договаривай!

–Так, мужики... – Лапин выпрямился во весь свой медвежий рост, с хрустом потянулся. – Время позднее, пора на боковую. Зиг! Я их к себе заберу, а то порвете тут друг друга. Один, понимаешь, дубина, второй – долдон... Старые друзья, едрена мать!

–Он мне не друг! – Шерхель задрал бороду, сложив руки на груди. Клим промолчал.

–Ну и ладненько. – Прохор приобнял Елисеева за плечо, подталкивая к двери. – Пошли. Поглядите, как мы живем-можем, людей заодно отберем.

Клим все же сделал попытку к примирению.

–Зиг! Давай завтра спокойно поговорим – что, кто, как. Ладно?

–Я с тобой разговаривать больше не хочу. Вообще, – твердо сказал Шерхель. – Не хочу, и – не буду! Клянусь.

Елисеев вздохнул, повернул к двери. Лапин уже вышел из кабинета, Цендорж маячил за его плечом, постреливая глазами на Шерхеля.

Перед тем как уйти, Клим неожиданно подошел вплотную к немцу и негромко спросил: –Скажи, Зиг – ты что-нибудь слышал о ней? Она бывает здесь?

Шерхель глянул Елисееву в глаза, потом отвел взгляд и отрицательно покачал головой.

* * *

Из дневника Клим Елисеева:

У Лапина имелся личный четырехосный локомотив, быстрая и на удивление малозвучная машина, но несмотря на скорость и хорошую дорогу до земель, населенных ныне беловодцами, мы добрались уже глубокой ночью.

Сибиряки обосновались у подножия Медных гор. Их деревни и выселки в распадках и на поросших каменной сосной склонах светились в темноте редкими огоньками. Неожиданно я почувствовал некоторое умиротворение. Не знаю, откуда оно взялось – то ли его навеяли запахи близкого жилья, такие исконно-простые, но в то же время очень уютные, домашние, то ли сама местность здесь располагала к спокойствию духа, но так или иначе я вдруг подумал, что когда-нибудь было бы неплохо приехать семьей к Лапину в гости. И тут же внутренний голос напомнил мне, что прежде нужно одолеть «пятнуху», иначе «когда-нибудь» не случится никогда...

На постой нас с Цендоржем определили в гостевую избу – примечательное сооружение, двухэтажное, крепкое и основательное, как и все у беловодцев. Заправляла в гостевой избе Прасковья Карповна, пожилая круглолицая женщина, быстрая в движениях и острая на язык. Когда мы прибыли, оказалось, что в большой горнице (а комнаты в нашем временном жилище именовались архаично: светелка, опочивальня, горница) полным-полно народу, все больше молодых девушек. Рассевшись на лавках вдоль бревенчатых стен, они, похихикивая и перешептываясь, поглядывали на нас. Впервые за годы, проведенные на Медее, я обратил внимание, как изменилась женская одежда. Если вначале все ходили кто в чем был – комбинезоны, плащи из спас-комплектов, какие-то хламиды, скроенные на скорую руку из теплоизолянта, то теперь беловодские девицы щеголяли в настоящих платьях, украшенных ручной вышивкой, в вязаных безрукавках, в кожаных жакетиках и стеганых душегреях. Впрочем, ни одна из девушек не забыла, где ей выпало жить – у всех талии были перехвачены широкими поясами и то тут, то там меж вышитых узоров и цветов виднелись кольцевые рукояти звенчей.

Лапин с веселым изумлением обвел горницу взглядом и рывкнул:

–Прасковья! Эт-то что за посиделки?

–Так посиделки и есть, – затараторила хозяйка гостевой избы, знаками показывая девушкам, что надо уходить. – Ты, батюшка, сам молодым был, знаешь ведь, как оно – собрались, косточки помыли, погадали. А там уж и спать.

–Я те дам – погадали! – Несмотря на суровый тон, Прохор улыбался в усы. – Сколько раз говорено: держать избу в чистоте да в пустоте.

–Чистота да пустота на погосте хороши, – немедленно откликнулась Прасковья Карповна и тут же переключилась на нас: – Гости дорогие! Пожалуйте, люди добрые! Стол накроем, повечеряем. А может, баньку с дальней дороги? Или сразу в опочивальню?

Мы с Цендоржем замялись. Мимо, шелестя подолами, шмыгали все так же хихикающие девицы.

–Дядька Прохор! Чего ты нас погнал? Может, гостям вон с нами посидеть охота? Может, интересно им, а? – выпалила из девичьей стайки самая бойкая.

–Я те дам – интересно! Хворостиной! И отцу завтра скажу, какие такие предложения его дочь ненаглядная серьезным людям делает! – Прохор уже откровенно смеялся.

–Да ничего я не делаю. Па-адумаешь! – заворчала девушка под смех товаров. – Серьезные люди, тоже мне. Один тощей, второй косоглазый...

–Ефросинья! – рыкнул Лапин, и девки с хохотом выкатились за порог.

За окном немедленно грянул девичий хор. Я вслушался в слова и от удивления открыл рот. Высокий чистый голос Ефросиньи выводил:

Разложила девка тряпки на полу,
Раскидала карты-крести по углам,

Потеряла девка радость по весне,
Позабыла серьги-бусы по гостям...

Подруги подхватили:

По глазам колючей пылью белый свет,
По ушам фальшивой трелью белый стих,
По полям дырявой шалью белый снег,
По утрам усталой молью белый сон.

Ефросинья снова повела соло:

Развернулась бабской правдою стена,
Разревелась-раскачалась тишина.
По чужим простым словам, как по рукам,
По подставленным ногам – по головам.

Хор продолжил:

А в потресканном стакане старый чай,
Не хватило для разлету старых дел.
Фотографии – там звездочки и сны.
Как же сделать, чтоб всем было хорошо-о-о...

Ефросинья уже выводила следующий куплет:

Все что было – все, что помнила сама,
Смел котейка с подоконника хвостом.
Приносили женихи коньячок,
Объясняли женихи – что почем.

Закончили песню девушки отчаянно:

Кто под форточкой сидит – отгоняй.
Ночью холод разогнался с Оби,
Вспоминай почаще солнышко свое.
То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит...

– Откуда они такое знают? – спросил я у Лапина.

– А чего? Народная наша. Почему спрашиваешь?

– Это в конце Великого века написала Яна Дягилева. «Нюркина песня» называется. Я в темной зоне И-нета нашел, когда... Ну, неважно. В общем, была девушка такая. Пела – как дышала. Потом она... погибла, короче.

– Дела-а... – протянул Прохор. – У нас лет десять назад с Новосиба три десятка семей переселились. Они эту песню с собой и принесли. Вона как бывает – песня человека на две с лишком сотни лет пережила, а?

И тут же, спохватившись, кинулся, распахнул окошко и заорал в ночь:

– Глафира! Как до Потеряйки дойдете, скажи Терентию, пусть арбалет возьмет да Фроську проводит! Слышишь, нет?

Из темноты долетели два веселых голоса, прозвучавших практически одновременно:

– Хорошо, дядька Прохор! – это, видимо, Глафира.

– Ой, да не надо. Сама дойду! – это уже Ефросинья.

Лапин, отдуваясь, уселся на лавку.

– Она без матери. Отец день-деньской на руднике. Дальше всех живет, на отшибе. Там через лес тропа. Ну, и грызло шалит в последнее время. А девка хорошая, жалко, если чего случится.

И помолчав, добавил:

– Была б плохая – все одно жалко...

– Что за грызло-то такое? – спросил я.

– А-а, – махнул тяжелой рукой сибиряк. – Зверь местный, лесной, видом вроде кабана, только хищный. По повадкам на росомуху похож. На одинокого человека напасть может запросто. Надо облаву сделать, повыбить их. Пока вот так вот обходимся.

Тем временем проворная хозяйка умудрилась накрыть на стол. Мы здорово проголодались, а от выпитого у Шерхеля вина у меня еще и разболелся желудок.

– Ешьте, господа хорошие, не брезгуйте. У нас все просто, да сытно... – ворковала Прасковья Карповна, наливая в глубокие миски ароматную похлебку.

– Ну, это... Пойду я. – Лапин махнул нам рукой. – Утром человека пришлю, проведет ко мне. Бывайте!

– Это как так – пойду? – всплеснула руками хозяйка. – Это куда ты пойдешь, не жрамши? Свою будить ведь станешь. Пусть поспит, а ты, Проша, нут-ка не рядись, садись за стол. Давай, вот тебе ложка, вот и кружка. Счас я...

И, подмигнув озорным глазом, Прасковья Карповна отворила низенькую дверь и нырнула в темный проем...

Помимо прыгуньей похлебки, умело сваренной с пряными корешками и кисловатыми листьями макаронника, на столе обнаружилось копченое сало, розовое, как весенний рассвет, страшная с виду, синяя, но необычайно вкусная кровяная колбаса («Альбу третьего дня резали», – пояснила хозяйка), запеченные в глине двухвостки, сочащиеся янтарным жиром, разнообразные соленья-моченья и стопка румяных лепешек из толченого мучного корня.

– Это вы всегда так едите? – спросил я, работая ложкой, а равно вилок и ножом.

– Не, – усмехнулся Лапин, охотно принявший предложение Прасковьи Карповны поужинать. – Обычно у нас поболее всего будет. А это так... на скорую руку для ночных гостей.

– Ну чего лепишь! – укорила Прохора вернувшаяся хозяйка и обернула к нам улыбающееся лицо: – Заводские приезжали, инженера. По рудным делам. Принимали мы их. Понятное дело, осталось вот – и хлебово, и жареха, и закусь. Ешьте, ешьте, оголодали, видать. А я вам вот...

И хозяйка бухнула на стол запотевший кувшин.

– Наливочка это. Сама делаю. Не побрезгуйте!

– Эх, Прасковья, – пробасил Лапин, качая головой, но первым пододвинул кружку.

Забулькало, по горнице поплыл дразнящий запах. Прохор прищурился на дрожащий огонек лампы, посерьезнел.

– Ну, мужики, будем! За все хорошее!

Мы чокнулись, выпили. Наливочка оказалась приятной на вкус и весьма хмельной – мне сразу ударило в голову, руки отяжелели.

– Закусывайте, закусывайте, – суежилась Прасковья Карповна, подкладывая нам на тарелки. – Я вот вам еще компотику принесу...

Мы ели, пили, и постепенно напряжение последних дней спадало – по телу разливалось приятное успокоение, тревожные мысли уходили на второй план, прятались где-то

в темных закоулках. Тихая ночь стояла над Медеей. За открытым окном звенели сверчки, вокруг лампы вилась мошкара. Я поймал себя на том, что именую местных насекомых уже безо всяких оговорок, хотя это только так говорится – сверчки, мошкара. Энтомологов среди выживших колонистов не оказалось, и насекомых никто толком не изучал. Мы просто называли их по степени похожести с земными аналогами – кузнечики, муравьи, комары. Например, сверчки, что стрекотали сейчас в темноте, больше походили на гусениц с большими овальными крыльями. В Фербисе их даже держали в домах, в изящных клетках, плетенных из медной проволоки. Считалось, что сверчок приносит в дом удачу и благополучие.

За этими размышлениями я и не заметил, как осоловел. Цендорж, похоже, вообще держался из последних сил, то и дело зевая. Пора было ложиться – мы толком не спали уже неделю.

Прохор, приняв хозяйской наливочки, раскраснелся и пустился в разглагольствования:

– Мы ведь, беловодцы, как – своим умом живем. Земля тут подходящая – вода есть, лес есть, руду ломаем, сланец. Торгуем помаленьку, дома строим, скотину держим, огородики там... И ничего другого нам не надо. Это у вас там – го-су-дар-ство! – Сибиряк произнес это слово с некоторой брезгливостью, нарочито раздельно.

– Ты кислое с пресным не путай, – вяло ответил я, отправляя в рот кусок копченого сала. – Государство, оно в первую очередь для безопасности. Не будь его – мы бы аллимо-товой сытью давно все стали.

– Тьфу ты, опять эта песня! – чуть ли не обрадованно встрепенулся Лапин. – Ты что думаешь, мы свое государство построить не можем, оттого по-старинному, общиной, и живем? Да если б мужики захотели... Да если б нам надо было... Вырастили бы мы себе вот такенные пасти – и пошли хавать всех подряд. Кто б нас остановил? А?! Дристуны эти заполошные? Блатота? Чуреки? Всех бы поели! Ам – и нету.

Я посмотрел в кружку, одним глотком «добил» наливку и откинулся на спинку лавки. Прохор, как ни крути, был прав – сибиряки воевали отчаянно. И, пожалуй, безо всяких оговорок являлись лучшими бойцами на планете.

– Сам понимаешь – не бахвалюсь я, – гнул свою линию Лапин. – На Земле мы поперек горла правительству стали, ну да и договориться не получилось. Уж больно высоко они там сидят, не допрыгнешь. А тут все свои, все рядом. Ты вот насупротив меня сейчас – скажи, чего мы вам покоя не даем?

Надо было отвечать, но отвечать не хотелось. Хотелось лечь, закрыть глаза и уснуть. Я улыбнулся, хлопнул ладонью по столу.

– Успокойся. Все нормально. Будет вам покой. Живите, как хотите. У нас сейчас другая беда...

– Это да, – кивнул кудлатой сивой головой Лапин. – Что верно, то верно. Но просить беду избыть вы опять же к нам пришли, а? Получается, что как беда – без нас никак. А как нет беды – вы к нам лезете. Почему?

У меня сложилось стойкое ощущение дежавю – совсем недавно я уже имел похожий разговор.

– Знаешь что, Прохор... Давай-ка отложим эти разборки. Глаза у меня сами собой закрываются, и башка не варит. Давай завтра?

– Завтра, завтра... – пробурчал сибиряк, поднимаясь. – А то, что башка не варит, – это точно.

– Совсем ты заболтал гостей, – надела на него хозяйка, кивнула на похрапывающего Цендоржа. – Мальчонка вона сомлел совсем. Пусть отдохнут люди. И ты иди, поспи.

Прохор потер лицо большими ладонями, встряхнулся.

–И-эх! Ладно, Прасковья, твоя правда – спать пора. Ты, Клим Олегыч, на меня не сердчай, я не со зла... И вот еще что. – Прохор вдруг хитро улыбнулся. – Я гляжу, винтовочки у вас. А с патронами как?

–Хреново, – откровенно ответил я.

–Я так и думал. Короче, есть у меня. Цинка полная. Когда еще на Лимесе заварушка была с этим... генералом, мать его... В общем, притырил я. Так что поделюсь. Но! – Лапин поднял толстый палец с носорожьим ногтем. – Все не дам. По полста на брата. Идет?

–Еще как идет! – Радуюсь, что мы соскочили с неприятной, «политической» темы, я потерял руки. Цендорж же немедленно проснулся и влез с простецким предложением:

–А по сотне можно?

–По шее можно! – ухмыльнулся сибиряк. – Ладно, хрен с вами, отсыплю по семьдесят пять. Ну все, мужики, утро вечера трезвее. Давайте на боковую...

* * *

Как и предполагалось, Елисеев пробыл у беловодцев пять дней. За это время они с Прохором Лапиным отобрали отряд добровольцев для похода к озеру Скорби, подготовили везы и припасы. К разговору о государственном устройстве Медеи и месте сибиряков в этом устройстве больше не возвращались, но Клим чувствовал, что Лапин помнит о нем.

Ветреным вечером пятого дня с Лимеса приехал на паровой моториссе Рихард. Он привез две новости, и обе хорошие. Во-первых, Шерхель закончил насос, отладил его, разобрал и подготовил к отправке. Кроме того, на озеро Скорби поедут паровая машина и кран, тоже в разобранном состоянии. Во-вторых, Восточный и Западный участки магистрали наконец-то встретились и путейцы положили «золотую плиту», символизирующую окончание строительства Большой магистрали. Теперь между Фербисом на западе и Лимесом на востоке имелось прямое междорожное сообщение. Это позволяло перебросить вакцину в бывшую имперскую столицу в самые кратчайшие сроки. Теперь оставалось ее только достать.

Клим распорядился немедленно выступить, и везы сибиряков потянулись от Медных гор к Лимесу. Сам Елисеев вместе с Цендоржем уехал на моториссе – проконтролировать отправку механизмов. Шерхель выделил ему в помощники инженера Жемчужникова, сам же от встречи уклонился.

Ранним утром шестого дня караван с техникой покинул Лимес. Над Посадом реяли черные карантинные флаги. На окраине собралась огромная толпа. Клим видел глаза людей – в них читалось отчаяние. Погонщики захлопали бичами, подгоняя прыгунов. Не дожидаясь Лапина и его людей, караван двинулся на юг...

* * *

Ночь неслышно опустилась на отроги Экваториального хребта, быстро залив холмистую равнину мраком. Высыпали тусклые звезды. Догорали багровые отсветы на ледяных шапках далеких вершин. В сгустившейся тьме под темными кронами каменных сосен стояли трое. Легкий ветерок шевелил ветви. В стороне похрапывали, чавкая травой, оседланные прыгуны.

Вызвездило. Из-за гор выплянул, точно из засады, краешек Аконита – и тут же спрятался. Сегодня была не его ночь. Ветер усилился, наливаясь промозглой стынью. Заунывно прокричала где-то в степи ночная птица.

Один из ожидавших под каменными соснами тревожно вслушивался в ночь. Двое других, привалившись спинами к толстому стволу дерева, переговаривались вполголоса:

–Что-то долго сегодня...

–А тебя что, ждут где?

–Ну, ждут не ждут, а торчать здесь большой охоты не имею.

–Чего ж ты вообще к нам пошел? Сидел бы дома, с бабой, прыгунов стриг да огород копал.

–Ишь ты – к нам! А может, это не я к вам, а ты к нам? Я-то с самого начала пошел, как клич кинули среди людей – кто, мол, за себя жить хочет, без правителей да командиров. Сразу и того...

–А я после войны. Зло меня взяло. Рубились, рубились, головы клали – и на тебе! Мир всеобщий, какое-то Временное правительство... Измена, короче! Лучше уж и впрямь, вот как ты говоришь – без правителей и командиров.

–Вот это ты правильно понимаешь: где власть, там и измена. Начальник всегда свою выгоду вперед общей поставит – и людей предаст. И я за то бьюсь, чтобы начальников не было, чтобы народ все решал, сообща. И если у меня желание какое – я о нем открыто говорю, чтобы обсудить с людьми. Так что про бабу и прыгунов мне тут не надо, брат.

–А-а, ты вон в каком смысле. Тогда конечно... Тогда я тоже тут быть не хочу. Надоело. Пока еще он придет, пока разговор, а потом полночи до койки ехать. Давай-ка старшему скажем, что пора двигать отсюда.

–Я вот сейчас как скажу кому-то обухом по загривку! – с угрозой пророкотал из темноты старший небольшого отряда. – Дурни вы. Ваша мать анархия, она только тогда возможна, когда врагов никаких не останется, и все братьями станут. А воевать без дисциплины, без командиров и строгого подчинения невозможно. Так что языки подвяжите и глядите в оба.

–Криг, а может, он и не придет вовсе? – несмотря на прямой приказ «подвязать язык», все же спросил один из анархистов.

–Цыц! – зашипел на него Криг, отступая в глубь зарослей. – Кажется, идет...

Вскоре со стороны невидимой в темноте дороги, тянущейся вдоль гор, послышался тихий посвист. В ответ каждый из троих тоже свистнул особым образом, прикрывая рот ладонью. Затрещали взводимые арбалеты. Зашумела трава, и на фоне темно-синего неба появился черный силуэт. Трое тотчас же взяли его на прицел. Тот, кого называли Кригом, выступил вперед и прошептал:

–Сила и Воля!

–Сила и Воля! – так же шепотом ответил пришедший. Арбалеты опустились, все облегченно выдохнули.

–Здравствуй, брасса. – Криг хлопнул пришедшего по плечу. – Чиста ли была твоя дорога? Что случилось, зачем подал знак?

–И тебе всех благ, брасса. Дорога была чиста, но длинна. Чудные у нас дела. Давай присядем. Я с обеда в пути – ноги гудят.

–Прости, брасса. Я постелю плащ – отдохай. Шавчи! Бен! Сообразите попить-поесть гостю!

Некоторое время в небольшой рощице царил тишина, нарушаемая лишь бульканьем да приглушенным стуком горлышка кувшина о край походной кружки. Наконец пришедший снова заговорил:

–С севера по тракту пришли люди. Много. Полсотни и еще сотня.

–Почему так делишь? – быстро спросил Криг.

–Те полсотни – не простые. Это мастера, умельцы Бешеного немца. Они из-за Лимеса. А сотня с ними – бородачи, что у Медных гор живут. С собой много возов гонят. На возах машины всякие, припасы, снаряжение.

–Куда идут?

–К озеру. Больше некуда. Наша деревня на пути туда предпоследняя. Дальше только Закатный хутор, и все – озеро. У нас они не остановились, а в хуторе три дома да два сарая, там им и вовсе делать нечего. Значит, к тем, к черным, идут.

–Зачем?

–Кабы знать... Но машины с собой волокут не зря. Пощупать бы их... стрелой в брюхо! – сидящий на плаще человек хищно засмеялся.

–Полторы сотни. – Криг задумчиво смотрел на звезды, проглядывающие сквозь темные кроны деревьев. – Бойцы, охрана? С оружием там много?

–Да как сказать, брасса... – пришедший замаялся. – Те, что от немца, они хоть и мастера, а рубятся не хуже легионеров. Да и простой народишко у нас за войну научился, как за звенч браться да из арбалета пулять. А за медногорцев и говорить нечего. Так что сам пойми – много там охраны или нет.

–Ну да, – кивнул Криг. – Вроде и нет совсем, а как до дела дойдет, так все полторы сотни встанут. Ясно. Плохо, брат. У нас и четырех десятков не наберется. И когда еще придут из степи наши верховые сотни...

Помолчали. Потом ночной гость начал собираться в обратный путь:

–Дорога дальняя, к утру поспеть надо.

–Давай прыгуна тебе дадим, – начал было говорить Криг, но пришедший отмахнулся:

– Не, я на этих зверях скакать не обучен. Не волнуйся, брасса, дойду потихоньку.

Когда они, обменявшись прощальными напутствиями, расходились, Криг спросил:

–А кто у этих, из-за Лимеса, старший?

–Помнишь, был такой сержант из ВКС-ников, что на воздушном пузыре улетел и через три года вернулся?

–Клим Елисеев?

–Он. И монгол с ним. Ну, все. Бывайте здоровы, брассас...

* * *

Обоз подполз к озеру Скорби на пятые сутки пути. Елисеев нервничал, орал на погонщиков, сокращал время дневок, грозил, ругался, но тяжело груженные повозки не могли двигаться быстрее. Прохор Лапин, топорща бороду, все больше молчал, лишь изредка, проходя вдоль обоза, негромко бросал своим:

–Мужики, поднажмите. Не к теще на блины едем. Время, мужики...

Так или иначе, но первый этап большого и многотрудного дела, задуманного Лускусом и призванного спасти колонистов, подошел к концу. Миновав Закатный хутор, караван одолел крутой подъем и выбрался на водораздельную грядку, тянущуюся от гор на востоке и уходящую в степное марево на западе. Идущий вровень с передним возом Клим увидел слева внизу темную гладь озера, синие прибрежные скалы, а за ними мрачную громаду Спящего утеса. Он никогда не бывал здесь, но легко узнавал тысячу раз обсказанные ему другими детали пейзажа озера Скорби.

Зеленый степной язык, поросшая травой плосковина, с северо-запада доходила до самой воды. Тут серел круглыми каменными башнями угрюмый замок Скорбящих. Это были люди, не пожелавшие покинуть то место, где навеки упокоились их близкие. За годы, прошедшие с момента катастрофы Второго малого модуля, община Скорбящих изрядно пополнилась. Сюда шли те, кто отчаялся, изверился, кто потерял родных или себя. На сегодняшний день община насчитывала несколько сотен человек, живущих в изоляции от других поселений. Скорбящие не подчинялись ничьим законам, сами же чтили жесткий Уклад и слово Хранителя, бессменного лидера общины. Именно с ним Клим планировал поговорить в первую очередь.

В полукилометре от замка, возле густых лесных зарослей, Елисеев рассмотрел островерхие палатки, разбитые по квадратам. Тонкая дозорная вышка поднималась над палатками, на ней виднелось обвисшее знамя. Судя по всему, там разбили лагерь люди Лиссажа. У Клима отлегло от сердца – если француз здесь, значит, кое-что уже сделано и ему не придется начинать с чистого листа.

– А ну, давайте, давайте, мужики! – разнесся над обозом громкий голос Лапина. – Поднажмем, отдыхать на том свете будем!

– Ага. Мы до него как раз и добрались... – проворчал кудрявый погонщик и вытянул прыгуна кнутом: – Н-но, пошла, зараза ушастая!

Обоз встречала группа Скорбящих. Впереди всех, облаченный в черное одеяние, скрывающее фигуру, стоял высокий мужчина с черными усами и совершенно седой длинной бородой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.